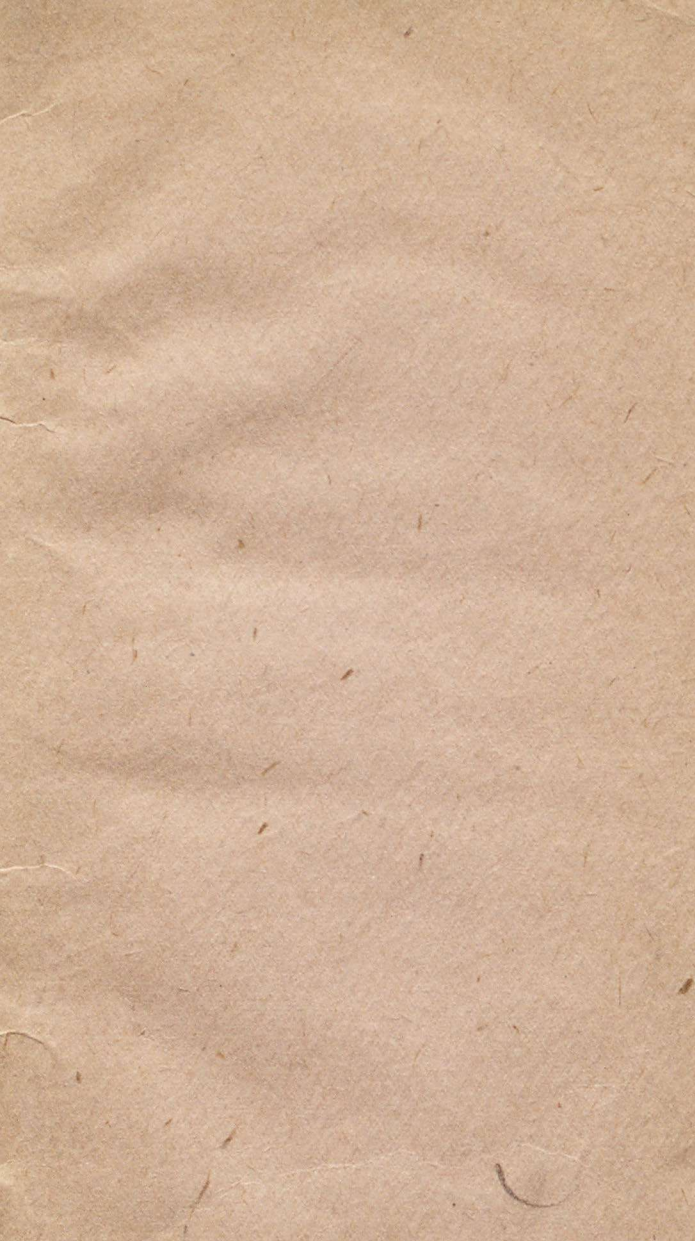

К. П.

О литературных
подлогах, псевдо-
нимах, похищениях,
красках и обмане.

E $\frac{45}{339}$

229455-0

2022508966

334
Исенафрита
Почетного
Е 45
334 849-58

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПОДЛОГАХЪ,
ПСЕВДОНИМАХЪ, ПОХИЩЕНІЯХЪ,
КРАЖАХЪ и ОБМАНАХЪ.

=

Въ Парижѣ издается книга, чрезвычайно любопытная по своему предмету, мастерски составляемая и замѣчательная для насъ, Русскихъ, по одному обстоятельству, которое мы и объяснимъ прежде всего.

Книга называется: *Les Supercheries littéraires dévoilées. Galerie des auteurs apocryphes, supposés, déguisés, plagiaires, et des éditeurs infidèles de la littérature française pendant les quatre derniers siècles: Ensemble les industriels littéraires et les lettrés qui se sont anoblis à notre époque.* Par M. J. - M. Quérard. Tome 1-er. 1847. T. 2-ème — première partie. 1848. in 8. Заглавіе это такъ затѣйливо, что мы не беремся перевести его по русски, за недостаткомъ понятныхъ словъ для точнаго

выраженія всего, что обѣщаетъ имъ авторъ, извѣстный библіографъ Г. Кераръ. Дѣло въ томъ, что онъ, въ своей книгѣ, выводитъ на свѣжую воду литературные обманы, утайки, похищенія, прямо указываетъ на авторовъ и издателей, виновныхъ въ какомъ бы то ни было литературномъ подлогѣ, и смѣло срывая маску съ чванства, хвастовства, не щадитъ дерзкаго присвоенія чужой собственности. Предполагаемъ, что имя Г-на Керара извѣстно у насъ: мы такіе любители и знатоки французской литературы; знаемъ всѣ романы, водевили и памфлеты парижскіе; какъ же не знать намъ имени ученаго автора книги *La France littéraire*, которая своею отчетливостью, подробностью и полнотою превзошла все, что произвела библіографія, не только во Франціи, но и въ ученой Германіи? Г. Кераръ извѣстенъ какъ авторъ и другихъ сочиненій, относящихся къ тому же предмету, и разныхъ статей во французскихъ періодическихъ изданіяхъ. Можно вообразать послѣ этого, что Г. Кераръ — какъ привыкли у насъ вообразать французскихъ литераторовъ — блаженствуетъ въ просвѣщенномъ отечествѣ своемъ, беретъ по червонцу за каждую свою страницу, и свободно трудится въ какойнибудь виллѣ, подобно А. Дюма, Бальзаку, Сю и другимъ бывшимъ моднымъ писателямъ. Г. Кераръ первоклассная знаме-

нитость въ своемъ родѣ, извѣстный во всей Европѣ ученый библіографъ и изслѣдователь литературы — какъ же не быть ему богатымъ, довольнымъ, по крайней мѣрѣ не стѣсненнымъ въ образованной Франціи?

Здѣсь начинается любопытное для насъ, Русскихъ, обстоятельство, о которомъ мы упомянули выше. Чтобы сдѣлать его понятнымъ, мы переведемъ нѣкоторыя мѣста изъ посвященія книги Г. Керара, который, самъ раскрывая всѣ литературныя тайны, прежде всего представляетъ читателямъ своимъ загадку, посвящая многолѣтній свой трудъ: A. M. Wohlthäter, M. S. P. S. M., ami éclairé des lettres et savant bibliographe. Это Нѣмецко-Французское посвященіе переводимъ мы такъ: «Моему «благодѣтелю, Г-ну С. П. — просвѣщенному другу литературы и ученому библіографу». Почему такъ объясняемъ мы загадочныя буквы посвященія, это будетъ видно изъ слѣдующихъ строкъ самаго посвященія.

«М. Г.

«Одинъ изъ хорошихъ историковъ нашей эпохи, Г. Минье, читая въ Институтѣ записку о жизни отличнаго писателя Сисмонди, сказалъ: «Науки принадлежатъ не «одной какой либо странѣ, а цѣлому міру. «Тѣхъ, кто занимается ими, не раздѣляютъ «границы народовъ, и они понимаютъ другъ друга не смотря на разли-

«чіе языковъ. Соплемённики по идеямъ, они «составляютъ одно обширное умственное общество, повинуюсь однимъ и тѣмъ же «законамъ духа человѣческаго; они стремят- «ся къ одной и той же цѣли — раскрытію «истинъ всеобщихъ; они одушевляются од- «нимъ общимъ чувствомъ, которое можно «назвать патриотизмомъ образованности. «Ученыя сословія принимаютъ въ среду «свою людей, въ какомъ бы то ни было «народѣ указываемыхъ имъ возвышен- «ностью своихъ трудовъ и славою своихъ «именъ».

«Ни вы, ни я, не принадлежимъ ни къ какому ученому сословію, но тѣмъ не меньше составляемъ частицу упомянутаго умственного общества. Парижъ, и столица, гдѣ вы живете, раздѣлены большимъ пространствомъ, но принадлежатъ ученому міру, и два человѣка, живущіе въ нихъ, съ одинаковыми склонностями, занимаясь одинаковыми изысканіями, могли встрѣтиться не смотря на разстояніе. Вы, М. Г., и я — въ числѣ друзей литературной исторіи нашихъ народовъ; мы приверженцы библіографіи — это наша маленькая область въ великомъ царствѣ мысли.

«Свѣтскіе люди едва умѣютъ произнести имя библіографіи и нисколько не знаютъ ея значенія — а библіографія знаніе довольно важное: и общая, и частная, она, обрабатываемая основательно — путеводная

нить къ узнанію мѣстъ, людей, предметовъ и событій. Къ несчастію, занятіе ея требуетъ продолжительныхъ трудовъ и многихъ пожертвованій, которые не даютъ ни славы, ни прибыли, обыкновенныхъ двигателей человѣка, не даютъ и всей признательности даже отъ тѣхъ, кто съ пользою употребляетъ эти труды, терпѣливо и съ такими пожертвованіями совершаемые. И на это не могутъ разсчитывать труженики библіографіи!

«Мы оба изъ этого маленькаго уголка царства мысли; но вы, М. Г., вы повелѣваете тамъ, вы тамъ знатный господинъ, а я только рядовой солдатъ. Ваше желаніе улучшить нашу небольшую область, часто заставляло васъ выставять на свой счетъ людей..... А я могъ быть только на бреши..... стараясь заслуживать благоволеніе командировъ. Я только практикъ. И за то, какъ различны наши труды!

«Просвѣщенный умъ и вкусъ, богатство и обладаніе огромною библіотекою давали вамъ средства дѣлать, что вы предполагали. Отечество ваше, гдѣ никто не занимается съ такою ревностью, какъ вы, литературною его исторіею, будетъ ли обязано вамъ нѣкогда однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ памятниковъ, которымъ удивляются и черезъ сто лѣтъ послѣ смерти строителя? Соотечественники знаютъ васъ по вашимъ приготовительнымъ работамъ,

по вашимъ любопытнымъ статьямъ, относящимся къ литературой исторіи, которыми обогатили вы многія изданія. И во Франціи заслужили бы удивленіе ваши ученія и драгоцѣнныя изысканія, если бы слишкомъ большая скромность ваша не противилась соединенію имени вашего съ многими прекрасными статьями объ исторіи и литературѣ вашего народа, которыми нѣкогда обогатили вы одно изъ нашихъ *Обозрѣній* (*Revue*). Избранные могли однакожъ оцѣнить вашъ изящный вкусъ по двумъ небольшимъ сочиненіямъ, которыя оставили вы Французамъ, уѣзжая изъ Парижа въ 1839 году, какъ доказательство любви вашей къ ихъ литературѣ.

«Вы могли видѣть, что я человѣкъ съ доброю волею..... (Здѣсь исчислены нѣкоторые труды, уже оконченные и продолжаемые Г-мъ Кераромъ)..... Увы! правительство *) оказываетъ такое глубокое равнодушіе къ изысканіямъ этого рода, и къ тѣмъ, кто истощаетъ свою жизнь надъ ними, что давно уже исчезъ бы я изъ небольшого числа библіографовъ Франціи, если бы къ чрезвычайному счастью для моихъ трудовъ не явился мнѣ почтенный и благородный человѣкъ, чужеземецъ, какъ и вы, М. Г., но не чужой, какъ и вы, искусствамъ и литературѣ моего отече-

*) Тогда еще правительство Людовика-Филиппа.

ства. Онъ помогъ мнѣ. Нашъ добрякъ Ла-фонтенъ открылъ типъ такихъ друзей..... въ Мономотапѣ. Это одинъ изъ тѣхъ друзей, которые съ невыразимою добротою говорятъ вамъ:

«N'auriez-vous point perdu tout votre argent au
jeu?

«En voici: s'il vous est venu quelque querelle,
«J'ai mon épée, allons....

«Этотъ вѣрный цѣнитель *полезныхъ трудовъ* полагалъ, что кто нибудь въ библиографической области долженъ же отдать справедливость моимъ добрымъ намѣреніямъ. Страсть къ книгамъ заставила его принести въ жертву себя. Онъ подкрѣпилъ мужество труженика, упавшаго подъ тяжестью невниманія въ своемъ отечествѣ. Онъ полагалъ, что, своимъ нѣжнымъ и великодушнымъ пособіемъ, платитъ только долгъ, который исключительно относился къ правительству Франціи, и въ то же время былъ долгомъ библиофиловъ нашихъ; но правительству недосугъ заниматься какимъ нибудь библиографомъ, а въ нашихъ библиофилахъ такъ много эксцентричества, что изданію полезныхъ трудовъ они предпочитаютъ изданіе типографическихъ рѣдкостей, хотя бы въ нихъ не заключалось никакого литературнаго значенія.

«Съ трудомъ повѣрятъ, что этотъ благородный и прекрасный челоѣкъ принадлежитъ къ народу, который Французы каж-

дый день величаютъ варварскимъ; да, онъ Русскій, Москвитянинъ, словомъ—*варваръ*, который, питая удивленіе къ нашимъ писателямъ, оцѣниваетъ ихъ вѣрнѣе, нежели многіе Французы, и онъ-то оказалъ мнѣ великодушное пособіе, когда правительство моей страны оставляло меня безъ всякаго средства довершить памятникъ, воздвигнутый мною въ честь Французской письменности, трудъ тридцати лучшихъ лѣтъ моей жизни!

«Вотъ почему, М. Г., я былъ бы доволенъ собой, когда бы въ заключеніе не сказалъ громогласно: что если авторъ *«Литературной Франціи»* (La France littéraire) не умеръ надъ трудомъ, и если, напротивъ, огромная книга его оканчивается, онъ обязанъ тѣмъ великодушному пособію этого *варвара*! Безъ него, навсегда прекратилось бы полезное призваніе, которому посвятилъ я себя..... Итакъ, ему, и вамъ, М. Г., которые любите меня какъ онъ — мнѣ пріятно соединять васъ вмѣстѣ съ нимъ — вамъ мои труды и чувства!»

Послѣ этого откровеннаго и благороднаго признанія, каждый изъ нашихъ соотечественниковъ отдастъ столько же справедливости Г-ну Керару, сколько своему доброму земляку, который полезно и кстати поддержалъ славу русскаго великодушія. Не будемъ разѣискивать кто онъ, этотъ землякъ нашъ, то есть не будемъ называть

его по имени, хотя бы и угадывали его имя. Если позволительно оставаться анонимомъ, то конечно въ добромъ и благородномъ дѣлѣ. Впрочемъ, вѣроятно многіе знаютъ имя умнаго, трудолюбиваго библиографа и библиофила русскаго, который обладаетъ одною изъ лучшихъ въ Россіи библиотекъ и такъ счастливъ, что имѣетъ большія средства удовлетворять своей ученой страсти. Всѣ библиографы наши на перечетъ, и если прибавимъ къ тому еще одну примѣту — писателя, который обогащалъ своими библиографическими статьями Русскіе и Французскіе журналы, то почти навѣрное узнаемъ имя, о которомъ умалчиваетъ Г. Кераръ и закрываетъ его *псевдонимомъ вольтетера* (благодѣтеля)... Скромность и общественныя условія не позволяютъ намъ говорить яснѣе, но не мѣшаютъ повторить искреннюю благодарность нашу доброму и почтенному земляку, за его истинно-просвѣщенную щедрость, слѣдствіемъ которой было изданіе полезной и чрезвычайно-любопытной книги.

Нельзя, мимоходомъ, не замѣтить противоположности между нашимъ землякомъ и господами Французами..... Они удивительные мастера прославлять себя, и еще во время Людовика XIV восхищались покровительствомъ, какое оказывалъ литераторамъ ихъ Великій Король, который, правда, немного похуже чѣмъ съ своими ла-

кеями, обходился съ литераторами. И въ наше время, они честятъ насъ *варварами* (свидѣтельство на лицо!), а сами оставляютъ безъ вниманія истинныя заслуги и дарованія литературныя. Интриганы, пройдохи, люди съ связями занимаютъ у нихъ кресла въ академіяхъ и мѣста библіотекарей, инспекторовъ, директоровъ по ученой части, тогда какъ многіе истинные труженики литературные остаются безъ хлѣба! Александру Дюма даютъ казенный пароходъ и десятки тысячъ франковъ на шарлатанскія его прогулки, а трудолюбиваго Керара не удостоиваютъ ни привѣта, ни одобренія за его тридцатилѣтніе труды!..... У насъ восхищаются процвѣтаніемъ ихъ литературы, множествомъ выходящихъ у нихъ книгъ, учеными ихъ трудами и богатымъ вознагражденіемъ за всѣ такіе труды!..... Но узнайте сначала, какъ все это происходитъ, какія средства употребляютъ для вознагражденія себя за испечатаваемую бумагу, какія шарлатанства, дерзкіе обманы, подлости кишатъ во Французской литературѣ — и мнѣніе ваше о ней во многомъ переменится. Говоримъ это безъ всякой ненависти и *варварства*!..... Нѣтъ, въ истинѣ сказаннаго здѣсь удостовѣряемся изъ неопровержимыхъ указаній и доказательствъ, какія представляетъ книга господина Керара, этотъ безпристрастный взглядъ за кулисы литера-

туры французской, гдѣ на аванъ-сценѣ все кажется такъ благопристойно, порядочно, хорошо, между тѣмъ какъ за сценой разыгрывается такая траги-комедія, что отъ нея можно потерять уваженіе ко многимъ актерамъ, которые нравятся намъ своею наружностью и искусною игрою. Грустно и тягостно видѣть шарлатанство и обманы въ такомъ высокомъ, прекрасномъ занятіи, какъ литература, въ такомъ благородномъ, безкорыстномъ трудѣ, какого требуютъ науки.... Но посмотрите, что дѣлаютъ изъ нихъ Французы.... не всѣ, Боже спаси и помилуй!.... но многіе, очень многіе, о комъ нельзя было бы и подумать ничего худого.

Книга Г. Керара доставитъ намъ въ этомъ не только любопытныя, но драгоценныя, поучительныя свѣдѣнія, и мы постараемся извлечь изъ нея все, что можетъ быть интересно для русскихъ читателей. Но, прежде всего, необходимо пояснить предметъ и цѣль ея. Почитаемъ это необходимымъ для нашей публики, тѣмъ больше, что по замѣчанію Г. Керара, въ самой Франціи свѣтскіе люди не умѣютъ произнести слова: библіографія.

Библіографія занимается вообще описаніемъ книгъ и разныхъ подробностей, относящихся къ нимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей такъ важны, что сами по себѣ составляютъ предметъ трудныхъ из-

слѣдованій и часто приводятъ къ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Къ числу важнѣйшихъ частей библіографіи принадлежитъ означеніе истиннаго автора каждаго сочиненія. Это не всегда такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ: что за важность, повидимому, списать съ заглавія книги имя ея автора?... Но если авторъ не означенъ въ заглавіи? Если онъ назвался вымышленнымъ или чужимъ именемъ? Если онъ и назвалъ себя, но оказывается, что не онъ составилъ книгу, или что нѣкоторыя части ея не принадлежатъ ему? Такія изслѣдованія приводятъ къ важнымъ для литературы открытіямъ, и во всякомъ случаѣ они любопытны. Съ ними библіографія перестаетъ быть простою переписью книгъ, требуетъ обширныхъ свѣдѣній, глубокихъ изысканій и соображеній, дѣлается *отчетливымъ* или *разумнымъ знаніемъ* (*science raisonnée*), и составляетъ необходимую принадлежность исторіи литературы. Можно сказать даже, что безъ нея исторія литературы будетъ сказкою, какъ исторія народовъ и царствъ безъ исторической критики. Пожалуй, вѣрьте заглавіямъ и предисловіямъ книгъ, но вѣрьте тогда и сказаніямъ лѣтописцевъ, безъ всякой повѣрки. Такъ и вѣрили имъ долгое время, пока ученые люди, неутомимыми трудами, не дошли до истиннаго взгляда на оба эти предмета науки.

Въ ученѣмъ введеніи къ своей книгѣ, Г. Кераръ объясняетъ необходимость и пользу такихъ изслѣдованій, особливо въ наше время, когда литературные подлоги всякаго рода умножились до невѣроятной наглости. Мы не можемъ въ журнальной статьѣ слѣдовать за всѣми его изслѣдованіями, даже потому, что они относятся къ четыремъ послѣднимъ столѣтіямъ, слѣдовательно обнимаютъ и такой періодъ книгопечатанія, который не для всѣхъ можетъ быть интересенъ. Ограничимся обзорѣмъ разныхъ родовъ литературныхъ подлоговъ и указаніемъ на замѣчательнѣйшіе случаи ихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, только мимоходомъ указывая на такіе случаи изъ временъ старыхъ. Изслѣдованія Г. Керара относятся собственно къ литературѣ Французской, не исключая Французскихъ переводовъ со всѣхъ другихъ языковъ. Но и это поле такъ обширно, что едва ли удастся намъ обработать его какъ бы мы желали.

Г. Кераръ раздѣляетъ литературные подлоги на слѣдующіе главные виды ихъ: 1-е, сочиненія подложныя или апокрифическія (*les ouvrages apocryphes*), и мнимые авторы (*les auteurs supposés*); 2-е, псевдонимы; 3-е, похитители (*plagiaires*); 4-е, литературныя кражи (*les vols littéraires*); 5-е, смѣсь разныхъ обмановъ и хитростей литературныхъ; 6-е, невѣрные издатели.

Мы постепенно послѣдуемъ за авторомъ во всѣхъ этихъ отдѣлахъ, включая тутъ же нѣкоторые примѣры изъ самой книги его, расположенной въ видѣ словаря и, къ сожалѣнію, еще неоконченной. Въ находящихся передъ нами частяхъ ея, словарь доведенъ только до буквы L. Но слишкомъ довольно и этого для самой обширной статьи.

I. Сочиненія подложныя или апокрифическія. Мнимые авторы.

Нѣкоторые критики хотѣли примѣнять слово *апокрифъ* только къ тѣмъ книгамъ, которыя ложно приписывались древнимъ и священнымъ писателямъ. Почему? развѣ дѣйствіе остается не то же, когда выдаютъ ложно книгу за сочиненіе писателя новаго времени? Развѣ прекратился въ литературѣ этотъ родъ подлога? Нѣтъ, меркантильная жадность безпрестанно пользуется имъ. Потому-то мы называемъ *апокрифическою* всякую книгу, ложно изданную подъ именемъ извѣстнаго писателя, древняго или новаго, все равно. Это тѣмъ основательнѣе, что если и въ наше время встрѣчаются примѣры изданія подложныхъ сочиненій Лонгина и Флора, то еще больше издаютъ сведѣльныхъ произведеній подъ именами знаменитѣйшихъ писателей новаго време-

ни *). Неужели оттого, что поддѣльщики принадлежать къ девятнадцатому, прекрасному, нравственному вѣку, ихъ сочиненія уже не столько апокрифы какъ тѣ, которыя поддѣльвались въ старину?

Мнимыми авторами называется тотъ родъ литературнаго обмана, когда публикѣ даютъ историческую книгу, будто бы сочиненную какимъ нибудь извѣстнымъ историческимъ лицомъ, хотя прежде не было въ печати ни одной строки, написанной этимъ лицомъ. Такихъ книгъ было издано въ XVIII и XIX столѣтіяхъ множество. Въ послѣднія двадцать лѣтъ изданы записки всѣхъ замѣчательныхъ людей царствованія Людовика XIV, Людовика XV, Людовика XVI, время революціи, консульства, имперіи, царствованія Людовика XVIII и Карла X. Кого не выставляли авторами

*) Въ доказательство, какъ нужно знать подобныя поддѣлки, скажемъ, что изданныя съ именемъ знаменитаго Гольдсмита исторіи Греціи, Рима, Англіи, сочинены не имъ, а Филипомъ, долго издававшимъ «The Monthly Magazine». Имя Гольдсмита придало имъ успѣхъ, и онѣ были переведены на разные языки. Г. Огинскій перевелъ на Русскій языкъ исторіи Греціи и Рима съ Англійскаго, а Г. Яковлевъ исторію Римскую съ Французскаго. И на всѣхъ этихъ переводахъ красуется имя Гольдсмита! Филиппъ ввелъ въ заблужденіе всю Европу: такъ много значитъ имя автора. Отъ иной книги только отымите имя автора, такъ она и покажется совсѣмъ новою.

историческихъ записокъ всѣхъ этихъ періодовъ! Не одни полководцы, министры, придворные, но пріятельницы и камердинеры знаменитыхъ людей, солдаты, аптекари, даже извѣстные шпионы, мошенники, палачи, душегубцы сдѣлались авторами, по милости литературныхъ поддѣльщиковъ.

Нравственныя слѣдствія, производимыя этими двумя родами поддѣлокъ, столько же какъ побудительныя причины къ нимъ, заставили Г. Керара раздѣлить ихъ на два отдѣла.

Сочиненія апокрифическія обыкновенно имѣютъ побудительною причиною шарлатанство, хвастовство, или мистификацію. Не всегда можно даже открыть, кто составлялъ сочиненія, которыя приписывались знаменитѣйшимъ поэтамъ. Для примѣра, довольно вспомнить о шуточной поэмѣ: *Война лягушекъ съ мышами*, которую называли сочиненіемъ Гомера, и о *Комаръ и Жаворонокъ*, которыя долго приписывали Виргилію.

Разрытія въ Помпеѣ и Геркуланѣ доставили случай къ открытію нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ твореній древности; но вмѣстѣ съ тѣмъ начали являться и поддѣлки древнихъ сочиненій, будто бы открытыхъ тамъ же. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, ученые даже находили какое-то удовольствіе мистифицировать другъ друга, а въ то же время и публику, выдавая сочиненія собственнаго издѣлія за древнія. Скалигеръ никогда не

могъ простить Мурету шутку, которую онъ сыгралъ съ нимъ, приславъ къ нему, въ видѣ отрывковъ изъ двухъ латинскихъ комиковъ, стихи собственнаго сочиненія, которые Скалигеръ и помѣстилъ въ изданіи Варрона, подъ именами Аттія и Трабея.

Въ 1583 году была издана въ первый разъ въ Венеціи книга «Объ утѣшеніи», приписанная Цицерону. Это была поддѣлка Сигонія Моденскаго, одного изъ ученѣйшихъ людей своего времени. Изъ немногихъ, найденныхъ имъ отрывковъ Цицеронова трактата «Объ утѣшеніи», онъ составилъ цѣлое сочиненіе, которое долго и почиталось Цицероновымъ. Даже ученый историкъ литературы, Тирабоски, разувѣрился въ томъ не прежде какъ нашедши, въ 1785 году, въ Моденѣ, письма Сигонія, гдѣ онъ признается въ своемъ обманѣ. Но и послѣ еще, трактатъ объ Утѣшеніи печатался во многихъ изданіяхъ Цицерона.

Нѣкоторые ученые дополняли отрывочныя сочиненія древнихъ авторовъ, можетъ быть съ искреннимъ желаніемъ представить ихъ въ первобытномъ видѣ; но это показываетъ только младенческій взглядъ на искусство, и степень тогдашней образованности. Въ наше время никто не повѣритъ возможности писать вмѣсто кого бы то ни было, а тѣмъ меньше мыслить, чувствовать и выражаться какъ люди древняго,

самобытнаго міра. Потому-то новѣйшія поддѣлки сочиненій знаменитыхъ писателей — чисто меркантильный обманъ: другихъ побужденій для нихъ быть не можетъ. Можно исключить изъ этого немногіе примѣры, гдѣ какая нибудь особенная причина, или даже безкорыстная страсть выдавать свои сочиненія за чужія, увлекали въ литературную поддѣлку людей съ истиннымъ дарованіемъ.

Въ 1808 году, Испанецъ Марчена, бывшій при штабѣ Рейнской арміи, шутя поддѣлался подъ слогъ Петронія, и издалъ довольно большую вставку въ одно изъ его сочиненій. Не смотря на шуточный тонъ предисловія и примѣчаній къ отрывкамъ изъ Петронія, Марчена такъ искусно подражалъ слогу древняго автора, что многіе ученые попались въ обманъ, и не прежде узнали его, какъ послѣ объявленія о томъ книгопродавца, бывшаго издателемъ отрывковъ. Марчена еще разъ дѣлалъ такого рода попытку, но обманъ его не удался.

Другимъ примѣромъ подобнаго обмана можетъ служить извѣстная у насъ исторія съ собраніемъ мнимыхъ Сербскихъ сочиненій, изданныхъ Просперомъ Мериме, подъ заглавіемъ: *La Guzla*. Знаменитый Русскій поэтъ, Пушкинъ, принялъ ихъ за настоящее произведеніе Славянскаго духа, восхищался ими, переводилъ ихъ, и даже

писалъ къ Мериме, прося извѣстить, какъ онъ открылъ такую драгоцѣнность? Въ остроумномъ письмѣ, Мериме смиренно сознался, что онъ не знаетъ ни слова по Славянски, и шутя состряпалъ, съ однимъ пріятелемъ своимъ, мнимыя Славянскія сочиненія. Всѣ подробности о томъ и подлинное письмо Мериме напечатаны въ сочиненіяхъ Пушкина (изд. 1838 г. Т. IV, стран. 140). Кажется, Г. Кераръ не знаетъ этой забавной исторіи, потому что говоря о псевдонимической книгѣ Мериме *Théâtre de Clara Gazul*, не намѣкаетъ о другомъ его обманѣ. Буква G (*Guzla*) уже прошла у него. Не будетъ ли чего подъ словомъ *Merimée*?

Имя Валтеръ-Скотта еще не было окружено всѣмъ блескомъ своей славы, когда его уже сдѣлали предметомъ спекуляціи. Въ 1823 году явился въ Берлинѣ романъ *Валладморъ*, названный сочиненіемъ Валтеръ-Скотта. Этотъ искусный подлогъ былъ произведеніе Нѣмецкаго писателя, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Виллибальда Алексиса, котораго настоящее имя — *Герингъ* (что значитъ по-Нѣмецки *селедка*!). Онъ выдавалъ себя только издателемъ сочиненія знаменитаго Шотландца, будто бы переведеннаго какимъ-то молодымъ его соотечественникомъ. Забавнѣе всего, что это сочиненіе было переведено, съ именемъ Валтеръ-Скотта, почти на всѣ Европейскіе

языки, и даже на Англійскій! Одинъ Англійскій критикъ, вѣроятно самъ Валтеръ-Скоттъ, говоря объ Англійскомъ переводѣ романа, назвалъ его самою ловкою мистификаціею нашего времени. Съ Англійскаго перевода, извѣстный Дефокопире перевелъ его, въ 1825 году, на Французскій языкъ. Имя В. Скотта, еще при жизни его бывшее предметомъ спекуляціи, нашло, послѣ смерти славнаго романиста, новыхъ мастеровъ на нѣсколько изобрѣтеній такого же рода. Во Франціи издано было четыре романа, ложно приписанные В. Скотту: это «Аланъ Камеронъ», «Эме-Веръ» (кажется, переведенные въ Русскихъ журналахъ), «Le Proscrit des Hébrides» и «La Pythie des Highlands». Первые два сочинены Г. Каме, бывшимъ секретаремъ Г. Жюда, какъ полагаютъ, при помощи Г-на Т. Анна; два другіе сочиненіе Жюля Давида.

Замѣтимъ кстати, что представленная въ 1844 году, на Французскомъ театрѣ, комедія: *Влюбленный докторъ* (Le Docteur amoureux), названная вновь-открытымъ сочиненіемъ Мольера — состряпана Г. Эрнестомъ де Калоннь. Пусть это послужитъ предостерегательнымъ извѣстіемъ для Русскихъ переводчиковъ и артистовъ.

Впрочемъ, примѣры такихъ подлоговъ безчисленны. Почти ни одно славное и да-

же извѣстное литературное имя не осталось безъ того, чтобы подъ фирмою его не пустили въ свѣтъ какого нибудь чуждаго ему сочиненія. Имена Бурдалу, Кондорсе, Флешье, Фенелона, Фридриха II, Корнеля, Расина, Фильдинга, Дидро, и множество другихъ были напечатаны на заглавныхъ листкахъ разныхъ апокрифовъ. Не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы въ журналахъ не возвѣстили объ открытіи новыхъ басенъ или сказокъ Лафонтена, писемъ Севинье, стихотвореній или памфлетовъ Вольтера и тому подобнаго. Одна изъ новѣйшихъ поддѣлокъ такого рода была, найденная будто бы въ Венеціи, рукопись Байрона, заключающая въ себѣ продолженіе Донъ Жуана. По Французски она была напечатана въ Illustration 1843 года. Есть даже извѣстные, даровитые писатели, которые занимаются сочиненіями такого рода, и надобно сказать, что безъ большихъ свѣдѣній и умѣнья писать, поддѣлки были бы слишкомъ грубы и неудачны. Напротивъ, ихъ составляютъ такъ искусно, что самые опытные критики попадаютъ въ обманъ спекулятора. Особливо славится искусными апокрифистами Французская Швейцарія. Тамъ есть нѣкто Г. Никола Шатлень, который не разъ вводилъ въ заблужденіе критиковъ своими поддѣлками.

Сочиненія многихъ авторовъ являлись

также во всѣ вѣка литературы, но съ осьмнадцатаго столѣтія они умножились до чрезвычайности, и въ нашъ девятнадцатый вѣкъ спекуляціи такого рода доведены, кажется, до крайней степени. Вольтеръ часто пользовался этимъ злоупотребленіемъ, выдавая сочиненія разныхъ лицъ, которыя и не думали писать ихъ. Въ XVIII же вѣкѣ Шотландецъ Макъ-Ферсонъ изобрѣлъ Эрсаго барда Оссіана.

Писатели XIX вѣка превзошли числомъ такихъ поддѣлокъ все, что было подобнаго въ предшествовавшіе вѣка. Сначала они разработывали поле литературы. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія явились два знаменитыя сочиненія: «*Le Troubadour, poésies occitaniques du treizième siècle*» (1803), и «*Les Poésies de Clotilde de Surville*» (1803). Они были приняты за настоящія старинныя стихотворенія и справедливо заслужили общую хвалу. Никто и не думалъ подозрѣвать тутъ поддѣлки. Но они были сочинены двумя нашими современниками, людьми съ дарованіемъ: первый былъ Фабръ д'Оливе, другой Вандербуръ, членъ Академіи Надписей.

Послѣ словесности, литературные промышленники взялись за исторію. Поводомъ къ тому былъ блестящій успѣхъ романовъ Валтеръ-Скотта, который заставилъ полюбить исторію въ своихъ романахъ. Изобрѣтательные люди рѣшились перенести ро-

манъ въ исторію, и это удалось имъ какъ нельзя больше, потому что историческаго чтенія искали не ученые люди, извлекающіе свои свѣдѣнія изъ старинныхъ лѣтописей и полупонятныхъ писателей, а люди свѣтскіе, готовые принять за истину все представленное имъ въ связномъ и вѣроятномъ разсказѣ. Какъ многое въ мірѣ, это принесло съ одной стороны пользу, показавъ новое свойство историческихъ разсказовъ; но съ другой наполнило литературу безчисленнымъ множествомъ мнимыхъ и всего чаще вздорныхъ сочиненій. Огромнѣйшую бібліотеку составляютъ однѣ такъ называемыя современныя записки, явившіяся въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Образовался даже особый разрядъ писателей, которые занимались этимъ родомъ сочиненій, и надобно согласиться, что нѣкоторые изъ нихъ показали много искусства и дарованія въ своихъ поддѣлкахъ. Самыми дѣятельными изъ нихъ можно назвать Г. Макс. де Вильмаре, и особливо Барона Ламотъ-Лангона, который составилъ изумительную грѣмаду «Записокъ». Этотъ родъ сочиненій, довольно извѣстный и у насъ по переводамъ, заслуживаетъ, чтобы мы перебрали здѣсь хотъ нѣсколько самыхъ славныхъ и достопамятныхъ поддѣльныхъ записокъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, чтобы не повторять того же много разъ, что въ указа-

ніяхъ нашихъ и приводимыхъ нами примѣрахъ, мы ограничиваемся только тѣмъ, что находимъ въ изданныхъ донынѣ, или по крайней мѣрѣ находящихся передъ нами выпускахъ книги Г. Керара, которая доведена еще только до буквы L. Но сколько и тутъ открывается любопытнаго!

Послѣ паденія и смерти Наполеона, эпоха его властвованія, разумѣется, возбуждала общее любопытство. Тогда-то посыпались записки и разныя откровенія современниковъ, бывшихъ къ нему близкими, и почти все это были поддѣлки.

Славнѣе другихъ были «Записки Буррьення», совоспитанника и потомъ кабинетнаго секретаря Наполеона. Онѣ были изданы въ 1829 году, въ 10 томахъ, перепечатаны, переведены на другіе языки, между прочимъ и на Русскій, покойнымъ Де-Шаплетомъ. Но вскорѣ во всѣхъ журналахъ появились жестокія опроверженія противъ этихъ «Записокъ», и даже издана цѣлая книга, въ 2 томахъ, подъ заглавіемъ: «Буррьеннь и его ошибки». Не удивительно, что въ «Запискахъ» Буррьення оказалось множество лжей, клеветъ и всякаго рода ошибокъ: писалъ ихъ не онъ, а Г. Вильмаре, которому доставили всякихъ замѣтокъ Буррьення тома на три, а онъ составилъ изъ нихъ *десять* томовъ! Буррьеннь началъ было писать свои записки, но, какъ человѣкъ неспособный къ тому, остано-

вился на первыхъ листахъ, и вся книга есть чистое сочиненіе Г. Вилльмаре!

Вскорѣ были изданы: «Записки и воспоминанія знатной дамы о Консульствѣ и Имперіи, 4 тома». Онѣ имѣли большой успѣхъ; но какая знатная дама писала ихъ?..... Смѣтливые книгопродавцы поручили написать записки барону Ламотъ-Лангонъ. Занятый множествомъ другихъ подобныхъ работъ, онъ написалъ ихъ такъ небрежно, что книгопродавцы обратились къ извѣстному А. Пишо (который издаетъ теперь *La Revue Britannique*). Онъ написалъ нѣсколько главъ въ первыхъ двухъ томахъ, гдѣ прибавилъ отъ себя еще нѣсколько главъ Шарль Нодье; но привести все это въ порядокъ и дописать книгу поручили господамъ Гинару, Гримо и Феррье. Послѣдній занимался больше другихъ, и какъ книга имѣла успѣхъ, то ему поручили написать Записки той же дамы, о царствованіи Людовика XVIII, и послѣдующихъ годовъ, до 1830-го. Г. Пишо пересмотрѣлъ все, и поправилъ слогъ (*qu'il a poli et semé de piquant*). Отъ имени той же дамы были изданы «Откровенія (*Révélation*)» по 1830 и 1831 годахъ». Вранье ея заставило серьезнаго Савари, бывшаго министромъ полиціи при Наполеонѣ, написать письмо, въ опроверженіе нѣкоторыхъ лжей, касавшихся до него. Онъ говоритъ, что была одна женщина, которая, послѣ «вѣтренной»

жизни въ Парижѣ, отправлялась дожить свою молодость въ Англіи и предложила ему шпионить за Бурбонами, и что донесеніе ея о поѣздкѣ въ Гартуэль вполнѣ внесено въ «Записки знатной дамы». Воротившись во Францію послѣ Реставраціи, она умѣла представить Бурбонамъ свое порученіе какъ знакъ особенной приверженности къ нимъ, и сдѣлалась даже близкою особою при Людовикѣ XVIII. Слѣдовательно, это лицо не совсѣмъ вымышленное; но только «Записки» писаны не дамою, а нѣсколькими литературными поставщиками.

Нѣсколько прежде явились «Записки современницы,» въ 8-ми томахъ, замѣчательныя множествомъ анекдотовъ, разныхъ откровенностей и вообще мастерскимъ изложеніемъ. Какъ онѣ составились? Первые два тома ихъ написалъ Г. Лезуръ, остальные шесть Г. Малитурнъ. А. Пишо вставилъ въ нихъ путешествіе въ Англію, собственнаго изобрѣтенія; Нодье подсыпалъ своей соди и разныхъ подробностей; у П. Вилльмаре, даже не спросясь, взяли 60 страницъ изъ его «L'Hermite en Italie», и вышла книга прелюбопытная, которая выдержала три изданія, кромѣ бельгійскихъ перепечатокъ!... Основаніемъ всего послужили нѣсколько листовъ, написанныхъ Идою Сентъ-Эльмъ, которая была извѣстна во время Наполеона подъ именемъ «Вдовы Большой арміи», потому что въ самомъ

дѣлѣ она таскалась за арміею, бывши въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ извѣстныхъ лицъ. Успѣхъ первой книги заставилъ почтенную вдову написать потомъ еще нѣсколько книгъ, уже собственнаго сочиненія, въ томъ же родѣ. Слогъ ихъ переправляли разные. Между прочимъ 6 томовъ «Современницы въ Египтѣ», пересматривалъ Г. Вилльмаре.

Неутомимый Ламотъ-Лангонъ написалъ также «Записки Людовика XVIII» и «Записки Наполеона Бонапарте», которыя однакожь остановились на 4 томѣ, хотя обѣщано было десять томовъ. Эта спекуляція имѣла успѣха мало, потому что поддѣлка была слишкомъ явна.

«Записки Фуше, Герцога Огрантскаго, Министра Полиціи», явились въ 1824 году, въ 2-хъ томахъ. Онѣ написаны чрезвычайно правдоподобно и ловко. Но семейство Фуше объявило ихъ подложными и заставило конфисковать. Послѣ открылось, что это сочиненіе Альфонса Бошана (Beauchamp), также отличнаго поддѣльщика, который составилъ записки Фуше по замѣткамъ, доставленнымъ ему Г. Жюліаномъ, бывшимъ агентомъ Наполеонова Министра.

Чрезвычайно заманчивымъ для составленія Записокъ о Наполеонѣ казалось положеніе Констана, бывшаго много лѣтъ старшимъ его камердинеромъ и оставившаго своего благодѣтеля въ дни несчастія. Яви-

лись «Записки Констана», въ 1830 — 31 годахъ, въ 6 томахъ. Ихъ началъ Рокфоръ, извѣстный антикварій, умершій на Гваделупѣ. Продолжателями были братья Меліо, которые составили четыре первые тома, при пособіи Августа Люше и еще больше Г. Низара. Два послѣдніе тома вполне составилъ Г. Вилльмаре.

Г-жа Эльо (Eilleaux), урожденная Дезормо, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Шарлотты Десоръ*, издала своего сочиненія «Воспоминанія Герцога Виценскаго (Коленкура)», въ II томахъ, 1837 года; но это не иное что, какъ клеветы и сплетни, несправедливо очерняющія память одного изъ благороднѣйшихъ людей, котораго удостоивалъ особенной благосклонности самъ Императоръ Александръ. Эти мнимыя «Воспоминанія» вызвали много возраженій. Г-жа Эльо издала еще, въ 1843 году, родъ записокъ о другомъ Наполеоновомъ министрѣ, Маре, подъ заглавіемъ: «Герцогъ Бассано». Это сочиненіе ея также вздорно какъ и первое.

Въ 1842 году были напечатаны «Записки Генераль-Лейтенанта Графа Бельяра, писанныя имъ самимъ, приведенныя въ порядокъ адъютантомъ его Вине; 3 тома». Въ слѣдующемъ году явилась брошюра, наполненная какими-то нравственными изрѣченіями, будто бы взятыми у Индійцевъ и Китайцевъ, и на ней четко напечатано:

«Сочиненіе Ж. Вине, автора Записокъ Генерала Бельяра!» Подлинно, это какая-то особаго рода нравственность. Но замѣчательнѣе всего, что въ составленіи подложныхъ сочиненій во Франціи участвуютъ такіе даровитые, ученые литераторы, какъ Нодье, Низаръ, А. Пишо!.... Но еще то ли увидимъ мы дальше.....

Не одно имя и эпоха Наполеона были предметомъ спекуляцій литературныхъ поддѣльщиковъ: всѣ, сколько нибудь замѣчательныя имена и разныя эпохи давали имъ случай къ составленію сочиненій, какъ скоро тутъ встрѣчалась какая нибудь занимательность.

Около двадцатыхъ годовъ, во время процесса Англійской Королевы, обратилъ на себя вниманіе читающей публики нѣкто Бергами, Италіянецъ, искатель приключеній. Тотчасъ явились «Записки» его, которыя сочинилъ Г. Вату, бывшій впослѣдствіи депутатомъ и библіотекаремъ Короля Людовика Филиппа.

Несчастныя приключенія Герцогини Беррійской, послѣ 1830 года, сдѣлали любопытнымъ это историческое имя. Могъ ли пропустить такой случай Баронъ Ламотъ-Лангонъ? Онъ написалъ изданныя въ 1837 году: «Записки Герцогини Беррійской,» въ 3 томахъ, гдѣ нѣтъ ни строчки той, отъ имени которой онѣ написаны.

Одною изъ самыхъ искусныхъ и улаченныхъ мистификацій того же времени были «Записки, извлеченныя изъ бумагъ государственнаго человѣка». Исторія изданія ихъ такъ любопытна, что мы расскажемъ ее съ нѣкоторыми подробностями. Почитаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что до сихъ поръ многіе не знаютъ, кто истинный авторъ столь замѣчательной по разнымъ отношеніямъ книги, и думаютъ, слѣдуя первоначальному слуху, что она сочинена знаменитымъ Прусскимъ Министромъ Княземъ Гарденбергомъ. Опытный историкъ, покойный Михайловскій-Данилевскій, не хотѣлъ вѣрить, чтобы по крайней мѣрѣ два первые тома ея, дѣйствительно самые интересные, не были сочиненіемъ какого нибудь государственнаго человѣка.

А вотъ какъ составилаь книга:

Первая мысль о ней принадлежала Альфонсу Бошану. Онъ собралъ матеріаловъ тома на три въ 8-ку, и предложилъ книгопродавцу Понтѣ издать ихъ въ видѣ записокъ Князя Гарденберга. Однимъ изъ преемниковъ Понтѣ былъ Шубартъ, человѣкъ со вкусомъ и самъ писатель. Онъ разсмотрѣлъ рукопись Бошана, и не нашелъ въ ней ничего, что оправдывало бы заглавіе, которое хотѣлъ дать компиляторъ своей книгѣ. Не смотря на то, записки были интересны, и какъ этотъ родъ

сочиненій былъ въ ходу, то рѣшились напечатать ихъ. Шубартъ взялся увеличить ихъ многими документами изъ архивовъ Французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и сдержалъ свое слово. Между тѣмъ какъ въ Парижѣ печатался первый выпускъ «Записокъ Прусскаго Министра,» одинъ Берлинскій книгопродавецъ, по приглашенію съ преемниками Понтъё, печаталъ въ то же время Нѣмецкій переводъ ихъ. Не больше десяти листовъ было отпечатано, когда извѣстный историческій писатель Шёлль, Страсбуржецъ, служившій при Прусскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, узналъ, что печатаются Записки съ именемъ Гарденберга, и тотчасъ объявилъ въ Парижскихъ газетахъ, что никакихъ Записокъ Князя Гарденберга нѣтъ и быть не можетъ. Это было въ 1827 году, когда книга еще не выходила въ свѣтъ. Авторы и издатели рѣшились измѣнить заглавіе ея, и назвали ее «Записками, извлеченными изъ бумагъ Государственнаго челоѣка». Подъ такимъ заглавіемъ явились первые два тома ея въ 1828 году, и за ними слѣдовали еще 11 томовъ, до 1837 года. Послѣдніе томы далеко отстали отъ первыхъ занимательностью изложенія и важностью представляемыхъ въ нихъ документовъ, такъ что уже многіе стали сомнѣваться, чтобы это было сочиненіе какого нибудь Государственнаго че-

ловѣка. Теперь скажемъ, кто участвовалъ въ сочиненіи всей книги. Первые два тома ея, какъ уже сказано выше, были составлены Бошаномъ и Шубартомъ. Потомъ эти господа не поладили между собою, и Бошанъ работалъ одинъ; но онъ умеръ, и книгопродавецъ Мишо, приобрѣтши его рукописи, поручилъ Шубарту изданіе томовъ III, IV и V. Шубартъ исполнилъ свое дѣло очень ловко. Составленіемъ слѣдующихъ томовъ занимался Графъ д'Аллонвилль, бывшій во время эмиграціи секретаремъ Герцога Серра-Капріолы, посланника Короля обѣихъ Сицилій при Петербургскомъ Дворѣ. Графъ д'Аллонвилль, какъ опытный дипломатъ, воспользовался матеріалами Бошана, собралъ самъ много новыхъ, и написалъ томы VI, VII, VIII, IX, XI, XII и XIII, занятой дополнительными статьями, примѣчаніями и росписью. Томъ X былъ написанъ Бошаномъ, и послѣ смерти его купленъ у наслѣдниковъ особо за 1,000 франковъ.

Вотъ какая складчина разныхъ работъ въ этихъ «Запискахъ государственнаго человѣка», которыя однакожъ любопытны, и, независимо отъ шарлатанства, составляютъ замѣчательный историческій трудъ.

Не меньше любопытны, и при томъ мастерски составлены подложныя «Записки Графини Дюбарри», послѣдней фаворитки Людовика XV-го, которая изъ глубины

низкаго разврата возвысилась на степень первой особы во Франціи, имѣла вліяніе на многія дѣла, быстро склонявшія королевство къ гибели, и кончила жизнь на эшафотѣ. Удивительная жизнь этой странной женщины представлена съ такою правдою, характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ при томъ очерчены съ такимъ искусствомъ, что прочитавъ этотъ вымышленный рассказъ, вы видите передъ собою цѣлую историческую эпоху, изображенную лучше нежели во многихъ исторіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если романы В. Скотта показали новую сторону въ искусствѣ писать исторію, и лучше, вѣрнѣе сухихъ, мертвыхъ указній историческихъ ознакомили образованную публику съ нѣкоторыми эпохами Англійской и Шотландской исторіи, то записки, подобныя Запискамъ Дюбарри, оказали такую же услугу. Скажутъ, что въ нихъ много лжи, и не знаете чему вѣрить и чему не вѣрить? А въ исторіяхъ чему вѣрите вы, кромѣ подлинныхъ документовъ, которые также могутъ вводить въ заблужденіе сопровождающими ихъ объясненіями? Неужели вѣрите вы всему, что написали Греческіе, Римскіе и всѣхъ народовъ историки? Тамъ едва ли не больше лжей и превратныхъ изображеній, нежели въ тѣхъ книгахъ, гдѣ въ видѣ романа, вымысла, ярко и живо изображаютъ вамъ эпоху, съ главнѣйшими ея историческими лицами.

Изъ этихъ книгъ пріобрѣтете вы больше полезныхъ свѣдѣній, нежели изъ безобразной, грубой смѣси лжей, искаженій и немногихъ фактовъ, называемыхъ исторіею. Историческая критика равно необходима какъ для того, такъ и для другаго рода сочиненій; но каждый изъ нихъ приноситъ относительную пользу своего рода. Какъ въ историческихъ разсказахъ, такъ и въ вымышленныхъ запискахъ, важно больше всего мастерство сочиненія. Плутархъ, Тацитъ, Титъ-Ливій остаются бессмертны не какъ представители исторической истины (которой нельзя отыскать и въ сочиненіяхъ о современныхъ событіяхъ), а какъ великіе писатели.

Главнымъ составителемъ «Записокъ Дюбарри» былъ опять Баронъ Ламотъ Лангонъ. Онъ извлекъ изъ сочиненнаго имъ прежде романа (*le Chancelier et les Censeurs*, 1825, 5 vol. in 12) характеры, многія сцены и самое лицо Г-жи Дюбарри. Потомъ мнимыя Записки ея были отчасти передѣланы господами Гинаромъ, Гримо и Феррье; наконецъ пересмотрѣлъ ихъ, разцвѣтилъ слогъ, придавъ остроумія разговорамъ А. Пишо. Вѣроятно, эти Записки вышли такъ удачны отъ богатства въ матеріалахъ для нихъ, потому что во время господства безстыдной фаворитки были изданы о ней сотни памфлетовъ, водевилей, *pont-neufs*, записокъ и вымышленныхъ

писемъ, гдѣ она, какъ говорится, была разобрака по косточкѣ.

Другое отвратительное лицо Французской исторіи, кардиналъ Дюбуа, первый Министръ во время регентства Герцога Орлеанскаго, также явился сочинителемъ мнимыхъ «Записокъ», которыя составилъ Поль Лакруа, извѣстный подъ названіемъ *Жакоба Библиофила*. Не смотря на несомнѣнное дарованіе этого писателя, сочиненныя имъ «Записки Кардинала Дюбуа», безцвѣтны, растянуты — и только гадки, какъ само лицо, которому онѣ приписаны.

Для характеристики самихъ составителей историческихъ Записокъ, замѣтимъ, что два плодovitѣйшіе изъ нихъ — Баронъ Ламотъ-Лангонъ и Г. Вильмаре, сочинили, кромѣ означенныхъ выше, еще слѣдующія Записки, какъ указываетъ Г. Кераръ: первый (Ламотъ-Лангонъ) «Воспоминанія Графини Адемаръ о Маріи Антуанеттѣ» (4 т. in 8); Записки Софіи Арну (2 т.); второй (Г. Вильмаре): «Воспоминанія Бланжины, Италіянскаго композитора»; «Записки дѣвицы Бурі», «Записки дѣвицы Аврильонъ, старшей Камеръ-Юнгферы Императрицы Жозефины». (2 т.).

Не удивительно, что корысть заставляетъ людей съ дарованіями гибкими и разнообразными, посвящать трудъ и время сочиненіямъ легкимъ и безотчетнымъ. Гораздо непростѣе, когда люди ученые, съ дарова-

ніями и свѣдѣніями необыкновенными, также трудятся безвѣстно, изъ мелочныхъ выгодъ, надъ сочиненіями тяжелыми, требующими большихъ изысканій и даже безкорыстнаго вдохновенія, и эти сочиненія выходятъ не подъ ихъ именами, какъ бы въ упрекъ корыстолюбивому ихъ самопожертвованію! Ихъ трудами величаются и чванятся люди, которые сами, можетъ быть, не умѣютъ правильно подписать свое имя. Укажемъ на нѣсколько подобныхъ мнимыхъ авторовъ.

До сихъ поръ пользуется уваженіемъ преученная книга: «Сборникъ древностей Египетскихъ, Этрусскихъ, Греческихъ, Римскихъ и Галльскихъ, сочиненіе графа Кэлюса (Caylus) (Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et gauloises). Парижъ, 1752 — 72, 7 томовъ въ 4, съ рисунками самого сочинителя. При означеніи этой книги находимъ у Г. Керара слѣдующую замѣтку:

«Меньше всѣхъ участвовалъ въ составленіи книги графа Кэлюса, онъ самъ: онъ только выставилъ на ней свое имя! Книга была составлена нѣсколькими италіянскими антикваріями, которые, въ скромномъ убѣжденіи, что такой знатный человѣкъ, какъ графъ Кэлюсъ, долженъ быть гораздо ученѣе ихъ, почитали за великую честь, что они, бѣдные ученые работники, распахи-
ваютъ для него обширное поле древности. Они были изслѣдователями, которыхъ за-

ставлялъ онъ вопрошать памятники. Ученость, какъ дань, свозилась къ Графу Келюсу со всѣхъ концовъ Италіи. О. Маццони, въ Неаполѣ, О. Паччіауди въ Пармѣ, казалось, обрабатывали ученые рудники языческихъ вѣковъ только для Графа Келюса, а онъ принималъ трудъ получать ихъ ученія тетради. Правда, онъ льстилъ ихъ за то надеждою, что когда нибудь они будутъ имѣть честь называться членами Академіи Надписей и Литературы — а это значило немножко меньше нежели ничего. За такое обѣщаніе они проникли бы до внутренностей Везувія, бросились бы въ пропасти Этны, отыскивать сандалію Эмпедокла и сказать Графу Келюсу, со швомъ была она или безо шва. Такому обѣщанію онъ былъ обязанъ всѣми учеными диссертаціями, составляющими семь огромныхъ томовъ его Древностей».

Другая знаменитая ученая книга: «Живописное путешествіе по Греціи, Графа Шуазель-Гуффье, бывшаго Французскаго посланника въ Константинополѣ, Члена Французской Академіи,» 3 тома in folio (1780 — 1824), съ тремя стами великолѣпныхъ гравюръ, картъ и видовъ — заслуживаетъ почти такой же отзывъ. Это конечно сочиненіе не образцовое, однако оно и не такъ дурно, чтобы авторомъ его могъ быть неученый знатный баринъ. Надобно вспомнить, что Графъ Шуазель, во

время своего посольства въ Константинополѣ, былъ очень богатъ. Съ богатствомъ вездѣ и всегда умны, и не имѣя времени думать, легко находятъ людей, которые думаютъ за богача, видятъ и пишутъ вмѣсто него. Если обширныя занятія не оставляютъ ему времени пріобрѣсти познанія, другіе пріобрѣтутъ ихъ за него, и какъ ученые люди не всегда возмущаются за мелочи эрудиціи, то найдется сотня людей, которые возмущаются быть учеными. Такъ составилось и «Живописное путешествіе по Греціи». Г. Фовель и компанія начертили рисунки, подѣ которыми Графъ Шуазель потрудился подписать свое имя. Г. Жюмлень производилъ разрытія, которыми воспользовался Графъ Шуазель, Г. Ле Швалье осматривалъ и описывалъ Троаду, а Г. Шуазель благоволилъ принять его описанія за свои. Академія Надписей и Словесности, гдѣ онъ былъ членомъ, доставила ему сотню греческихъ цитатъ за сотню обѣдовъ. Аббатъ Делиль, за бенефицію, исправлялъ ошибки противъ Французскаго слога, а журналисты были въ восторгѣ отъ всего, потому что Г. Шуазель былъ знатный баринъ. Увѣряютъ, что первый выпускъ второй части, изданный въ 1809 году, сочиненъ нѣкимъ Заликъ-Оглу, а все окончаніе сочиненія составлено господами Летронномъ и Барбіе-Дюбокажъ.

Вотъ замѣчаніе о знаменитой «Пере-

пискѣ» барона Гримма, которая доставила ему литературную славу:

«Гриммъ не сочинитель «Литературной переписки», которую издали подъ его именемъ люди несвѣдущіе: у него не было ни досуга, ни дарованія сочинять ее. Это работа Дидро, Г-жи Эпине и ихъ сотрудниковъ. Кто не читалъ писанья самого Гримма, тотъ одинъ можетъ присвоивать ему честь сочиненія переписки, гдѣ есть все чего не доставало Барону: обширныя познанія въ литературѣ, чистый вкусъ, даръ наблюдательности, смѣтливость, совѣмъ не Германская, и слогъ, какого и вообразить не умѣютъ на правомъ берегу Рейна. Гриммъ только заказывалъ сочинять свои литературныя письма къ государямъ и даже второстепеннымъ князьямъ, которыхъ покровительствомъ дорожилъ тѣмъ больше, что ему обязанъ былъ онъ своимъ дипломатическимъ счастьемъ. Ничего не можетъ быть противоположнѣе его литературной переписки съ тою, которую поддерживалъ онъ, напримѣръ, съ Фридрихомъ II; здѣсь является Гриммъ тѣмъ, что онъ былъ: жалкимъ придворнымъ, ломающимъ себѣ голову надъ пріискиваніемъ льстивыхъ выраженій. Онъ истощаетъ всякую лесть въ каждой фразѣ, употребляя особенно формы выраженія самыя униженныя. Карло, онъ думаетъ, что герои его еще выростутъ, когда онъ сдѣлается ниже! Ему кажется, что онъ измѣ-

рить высоту ихъ не иначе, какъ лежа подъ ихъ ногами. Этотъ литературный повелитель, который говорилъ съ такою спесью о Руссо, не хочетъ, чтобы, по мысли Женеваго философа, человѣкъ, воротившись къ первобытному своему состоянію, ходилъ на четверенькахъ: это положеніе кажется ему еще слишкомъ горделивымъ; онъ хочетъ пресмыкаться на брюхѣ. Мы знаемъ, какъ онъ, въ свое время, рекомендовалъ Принцу Нассау-Зигену молодого и послѣ столь несчастнаго Графа Сомбрѣя. Читая это письмо, недоумѣваешь, что больше оскорбляетъ Гриммъ: языкъ, или вкусъ и приличія? Словомъ, безъ положительныхъ свѣдѣній въ тайной исторіи современной литературы, нельзя указать, кто и что писалъ ему, а несомнѣнно, что онъ покупалъ свои письма, ученыя статьи и диссертациі. Другіе занимались для него литературой дипломациі, между тѣмъ какъ онъ занимался дипломатіею литературы».

Примѣромъ тайной работы извѣстныхъ, даровитыхъ писателей, отъ имени другаго лица, платившаго имъ за то какими нибудь мелочными благами, можетъ служить еще слѣдующій случай.

Въ 1811 году былъ изданъ въ Парижѣ, на Французскомъ языкѣ, романъ Леди Мері Амилтонъ: *La Famille du duc de Popoli*, въ 2-хъ томикахъ. Парижскіе журналисты единогласно расхвалили это сочиненіе, осо-

бенно удивляясь какъ могла женщина, Англичанка, до такой степени обладать Французскимъ языкомъ? Въ восторгѣ похвалѣ, нѣкоторые ставили слогъ ея на равнѣ съ неподражаемымъ слогомъ того Амильтона, который бывши Англичаниномъ, умѣлъ такъ превосходно писать по Французски. А между тѣмъ женщина, которой слогъ отличался легкостью, игривостью, изяществомъ, знала Французскій языкъ столько же какъ Фигаро зналъ языкъ ея земляковъ! Библіофилы до сихъ поръ сохраняютъ ея Французскія записочки и письма, гдѣ нѣтъ *живаго слова*: однѣ ошибки противъ склоненій, спряженій, родовъ, чиселъ, противъ правописанія. Такое пошлое незнаніе языка въ женщинѣ, которая не совѣстилась издавать отъ своего имени Французскія сочиненія, написанныя правильно, изящно, кажется вамъ непостижимымъ?.... Но узнайте, что секретаремъ Леди Амилтонъ былъ Шарль Нодье, тогда бѣдный, заброшенный литераторъ.... остальнаго нечего и пояснять.

Этой Леди Амилтонъ не должно смѣшивать съ другою Леди Амилтонъ, бывшею прежде Эммою Гертэ, а потомъ посланницею въ Неаполѣ, которая изъ площадной прелестницы сдѣлалась знатною дамою, любовницею героя Нельсона и черезъ него повелительницею Нижней Италіи, гдѣ погубила она много лицъ, справедливо презиравшихъ

ее. Послѣ смерти Нельсона и послѣ разныхъ приключеній, эта несчастная умерла, около Кале, въ бѣдности и забвеніи; но во время своего могущества она также издала свои «Записки», (на Англійскомъ), которыя писаны не ею.

Къ какому разряду, если не къ апокрифамъ, можно причислить книги Дюлора, который сталъ извѣстенъ изданною имъ «Исторіею Парижа», а потомъ и другими историческими сочиненіями? Сама «Исторія Парижа» была составлена не однимъ Дюлоромъ: сотрудниками его въ ней были Гг. Гюаде, Жиро де-Сенъ-Фаржо и другіе. Продолженіе Исторіи Парижа, съ 1821 года, которое начали было издавать съ именемъ Дюлора, было писано Г. Динокуромъ, и остановилось на 2-мъ томѣ, послѣ процесса, затѣяннаго вдовою Дюлора съ апокрифистами. Имя его выставлено такъ же ложно на заглавіи продолженія его «Исторіи Французской революціи». Послѣ объявилъ себя авторомъ этого продолженія нѣкто Г. Огюи, но въ самомъ дѣлѣ его писали Г. Флотаръ, Леритъ и Монтроль. Венигретъ вышелъ все таки не вкусенъ.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ апокрифѣ, особенно достопамятномъ тѣмъ, что онъ представляетъ превосходныя, рѣдкія достоинства, и пожертвованіе такимъ трудомъ для какихъ бы ни было выгодъ и отношеній — почти необъяснимо. Мы

говоримъ о книгѣ, слишкомъ извѣстной, изданной вскорѣ послѣ смерти Генерала Фуа, за сочиненіе, найденное въ его бумагахъ. Это «Исторія войны на Пиренейскомъ полуостровѣ во время Наполеона» (*Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon*), 4 тома. Сочиненіе это имѣло огромный успѣхъ и было вполне достойно его. Генераль Фуа, извѣстный при жизни своей увлекательнымъ краснорѣчіемъ, благородствомъ чувствованій и какою-то оригинальною возвышенностью взгляда, явился въ исторической своей книгѣ съ тѣми же прекрасными качествами ума и сердца. Краснорѣчіе его, во многихъ мѣстахъ книги не уступавшее краснорѣчію его съ ораторской трибуны, явилось тутъ съ новымъ блескомъ. Словомъ, казалось только, что первый современный ораторъ былъ и однимъ изъ первыхъ историковъ своего времени. Такъ судили о книгѣ его люди, имѣвшіе всѣ права судить о подобномъ предметѣ. Между прочимъ можемъ указать на покойнаго Д. В. Давыдова, также боеваго генерала, поэта и одного изъ лучшихъ Русскихъ писателей. Денисъ Васильевичъ читалъ и перечитывалъ книгу Фуа, всякій разъ съ новымъ восхищеніемъ. Съ нимъ согласится всякій, кто приметъ трудъ прочитать, особливо первый томъ книги Фуа..... Но что же открываетъ намъ Г. Кераръ?.... Что эта книга, сочиненіе — не Фуа!.... Ге-

пералъ оставилъ послѣ смерти своей странницъ пятьдесятъ объ Испанской войнѣ, а смѣтливые писатели сдѣлали изъ нихъ четыре тома! Главнымъ въ этомъ трудѣ былъ извѣстный Французскій стилистъ Тиссо, а ему помогалъ ловкій журналистъ, умный писатель Этьеннь, и еще нѣкоторые другіе. Но повторяемъ, что книга ихъ, во многихъ мѣстахъ ея, можетъ быть названа образцовымъ произведеніемъ ума, искусства, свѣдѣній. Мы назвали бы ее краснорѣчивѣйшимъ историческимъ сочиненіемъ нашего времени, достойнымъ искусства древнихъ историковъ, если бы нѣкоторыя части ея не были обременены техникою военного дѣла, что еще больше придавало ей видъ сочиненія военного чловека. И все это была только мистификація!..... Послѣ такого примѣра, кто поручится, что и многое, чѣмъ восхищаются цѣлыя вѣка, не подверглось бы такому же разочарованію, если бы изстари существовали изыскатели, подобные Г. Керару?..... Уже давно говорятъ и даже доказываютъ, что многія піесы Шекспира не принадлежатъ ему, что это произведенія разныхъ безвѣстныхъ людей, и что въ нѣкоторыхъ безсвязныхъ піесахъ Шекспира восторгъ почитателей ихъ поддерживается только именемъ Шекспира..... А помните ли вы «Египетскія ночи», Пушкина, гдѣ Чацскій приходитъ въ изумленіе отъ Итали-

янского полушарлатана?..... Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ черта, раздѣляющая истинное дарованіе, истинное вдохновеніе поэта отъ подложнаго дарованія и вдохновенія, и временное, иногда минутное увлеченіе отъ прочной славы? Во всѣхъ литературахъ есть примѣры, гдѣ слава, блескъ писателей, восторгъ толпы, даже самое искусство кажутся иногда чѣмъ-то загадочнымъ. Будущій Нибуръ исторіи литературы покажетъ когда нибудь, что не одинъ Гомеръ и Оссіанъ лица фантастическія, созданныя такъ же какъ Фуа въ книгѣ, изданной съ его именемъ.

II. Псевдонимы.

Псевдонимъ въ литературѣ значитъ собственно ложное имя автора, переводчика или участника какого либо сочиненія. Этотъ литературный обманъ не представляетъ такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ апокрифъ или мнимый авторъ. Цѣль его не въ томъ, чтобы приняли книгу подложную за настоящую: онъ выдаетъ только подложное имя за истинное. Но частое употребленіе этого подлога, иногда невиннаго и даже необходимаго, ведетъ къ страшной путаницѣ въ литературѣ, и потому исторія литературы обязана открывать всѣ подобные обманы.

Псевдонимы бывали и въ древнія времена. Почти нѣтъ сомнѣнія, что нѣкто-

рые изъ древнихъ писателей извѣстны намъ не подъ истинными своими именами. Въ новѣйшее время утвердилось мнѣніе, что Басни, извѣстныя подъ именемъ Федоровыхъ, сочинены Полибіемъ. Но если нельзя говорить въ этомъ отношеніи положительно о древнихъ, то неоспоримо, что со времени возрожденія наукъ и искусствъ въ Европѣ, псевдонимы были въ общемъ употребленіи. Вспомнимъ только о множествѣ художниковъ, которые были и остались извѣстны подъ вымышленными именами или частными прозваніями. Микель-Анджело, Рафаэль, Тинторетто, Корреджіо, Эспаньолетто, Фа-Престо и сотни другихъ художниковъ, остались въ исторіи съ своими псевдонимами.

Писатели начали перемѣнять или измѣнять свои имена по причинѣ, въ наше время почти не существующей, или по крайней мѣрѣ очень неважной. Въ младенчествѣ гражданскихъ обществъ, люди получали иногда самыя странныя имена и прозванія. Мы видимъ и въ нашей исторіи, что лица знатнѣйшихъ фамилій назывались: Брюхастый, Косой, Лысый, Квашня, Тетеря, Овчина, Мошня, Кулакъ — и это еще не самыя затѣливыя имена. Иные назывались такъ, что теперь и повторить ихъ имена было бы слишкомъ шуточно. То же было у всехъ народовъ. У Французовъ, напримѣръ, встрѣчаемъ такіа име-

на какъ: Bourreau, Caillou, Canard, Cochon, Catin, Cornu, Gigot, Godem, Torchon, Merdot, Pièdevache..... Но изъ класса людей, носившихъ такія имена, являлись почти всѣ ученые и писатели; могли ли они выставить надъ своими важными и великолѣпными фоліантами: сочиненіе *Утки*, *Свиньи*, *Тряпки*? Какъ выставить на нравственномъ трактатѣ: сочиненіе *Палача*, *Рогатого*?..... Какъ на торжественной одѣ написать: «твореніе *Коровьей Ноги*», или что нибудь еще похуже? Вотъ отъ чего явились искаженія, измѣненія и Латинскіе или Греческіе переводы именъ множества ученыхъ. Для примѣра, вспомнимъ, что *Скалиптеръ* былъ del'Escale, *Турнебусъ* Tournebœuf или Tournebu, *Будеусъ* Budée, *Меланхтонъ* Schwarzerde, *Акакія* (докторъ Франциска I) Sans-Malice, *Аннасъ*, le Père Canard (по Латински Anas).

Употребленіе псевдонимовъ вошло въ обычай, и рѣдкій писатель, особливо въ богословскихъ спорахъ, не скрывался подъ вымышленнымъ именемъ. Не забудемъ, что и знаменитыя имена *Мольера*, *Вольтера* — псевдонимы. Первый назывался первоначально *Покленъ*, другой *Аруэ*. Кромѣ принятаго имъ названія гражданскаго, Вольтеръ, во время своего неизмѣнимаго литературнаго поприща, скрывалъ себя почти подъ двумястами разныхъ псевдонимовъ.

Онъ и ввелъ особенно въ употребленіе псевдонимы. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ число ихъ увеличилось до того, что необходимы огромные словари для означенія псевдонимовъ только извѣстныхъ, потому что узнать и открыть ихъ всѣ — невозможно.

Замѣтимъ, что во всѣхъ литературахъ принято уважать псевдонимы, то есть не открывать ихъ покуда самъ авторъ, или какая нибудь случайность не приведутъ къ тому. Разумѣется также, что со смертію автора прекращается эта обязанность скромности. То же самое соблюдаютъ въ отношеніи къ анониму, то есть автору, вовсе незначающему своего имени. Псевдонимъ и анонимъ, какъ маска въ маскарадѣ, какъ инкогнито знатнаго человѣка, должны быть неприкосновенны, потому что причины, побуждающія скрывать себя, бываютъ иногда очень важны, и нарушивъ тайну имени или личности, можно навлечь человѣку непріятности, даже несчастія — что и бывало не разъ. Правда, въ наше время обязанность эта очень уменьшилась, потому что анонимъ и псевдонимъ не скроетъ ни одного извѣстнаго автора, не останется тайною ни одного громкаго сочиненія, и не сказывать своего имени, когда его знаютъ всѣ — просто смѣшно. Валтеръ Скоттъ только въ концѣ своего знаменитаго поприща открылъ торжественно свое имя, скрываясь

до тѣхъ поръ подъ разными псевдонимами, но цѣлый свѣтъ и прежде зналъ, кто былъ этотъ геніальный Клейшботемъ, авторъ Веверлея. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ остается непримѣрный псевдонимъ *Казака-Луганскаго*, подлѣ котораго иногда выставляется и настоящее имя автора. Чтожъ это за псевдонимъ? Кто не знаетъ также псевдонимовъ Бѣлкина, Барона Брамбеуса, Рудаго-Пасичника, Грицка Основьяненка? Были ли они когда нибудь тайною? За всѣмъ тѣмъ, изслѣдователь или критикъ долженъ съ большою осторожностью открывать для публики псевдонимы и анонимы, особливо безъ всякаго повода къ тому. Иначе, онъ нарушаетъ общественныя приличія, которыя обязанъ уважать каждый.

Историкъ литературы имѣетъ инныя обязанности. Онъ долженъ открывать все подлоги, утаенія, умолчанія въ литературѣ, которая, какъ и политическая исторія, безъ обнаруженія истины сдѣлалась бы хаосомъ. Исторія не знаетъ приличій и отношеній, существующихъ для современниковъ излагаемыхъ ею событій. На этомъ основаніи и для библіографа нѣтъ псевдонимовъ и анонимовъ: онъ смѣло подымаетъ маску ихъ, имѣя въ виду одну истину.

Большая часть этихъ господъ и сами не думаютъ всегда сохранять строгое инкогнито. Вообще, псевдонимъ можетъ быть не-

обходимъ и полезенъ только временно — окончательно онъ долженъ быть извѣстенъ. Многие романисты принимаютъ вымышленное имя по капризу, или отъ робости, неизбежной при первомъ появленіи въ свѣтъ. Если сочиненіе ихъ заслужило благосклонность публики, они и остаются подъ своимъ псевдонимомъ, боясь нарушить успѣхъ свой новымъ именемъ. Вотъ отъ чего въ современной Нѣмецкой литературѣ видимъ имена *Виллибальда Алексиса, Бельмонта, Клаурена, Эвальда, Теодора Гелля, Фр. Лауна, Манфреда, Нордштерна, Рооса, Сатори, Густава Зеллена, Адальб. Тале, Авг. Тромлица*, какъ во Французской имена *Анны-Маріи, Дашъ, Жуи, Мортонваля, Сентъ - Мари, Сентина Северна, Тимона*. Другіе писатели безпрестанно перемѣняютъ свои псевдонимы, отъ неудачи и въ надеждѣ на успѣхъ подъ новымъ именемъ. Наконецъ есть поставщики сочиненій, особливо такъ называемыхъ нравственныхъ и для воспитанія издаваемыхъ: эти являются подъ разными именами, по желанію своихъ издателей, которые не хотятъ, чтобы одно и то же имя напоминало всегда одну и ту же фабрику сочиненій.

Есть много другихъ причинъ, заставляющихъ наблюдать литературное инкогнито. Особы, высоко поставленныя въ обществѣ, не всегда могутъ написать свое имя на

тѣхъ сочиненіяхъ, которыя представляютъ слишкомъ большую противоположность съ ихъ общественнымъ положеніемъ или съ прежнею ихъ дѣятельностью. Монтескіе не выставилъ своего имени на «Персидскихъ Письмахъ»; Фридрихъ II, этотъ плодовитый авторъ, кромѣ того, что назывался *Философомъ Сансузи* (беззаботнымъ), употреблялъ много другихъ псевдонимовъ на своихъ философическихъ сочиненіяхъ. Людовикъ XVI писалъ и печаталъ свои сочиненія, а какое изъ нихъ извѣстно подъ его именемъ? Братъ его, Графъ Прованскій, потомъ Людовикъ XVIII, сочинялъ много, въ стихахъ и въ прозѣ, но печаталъ или безъ имени, или подъ именемъ своего крестнаго отца. Послѣдній Французскій монархъ, Людовикъ Филиппъ, писалъ больше нежели подозреваютъ многіе, а кто знаетъ его сочиненія *)? Нѣмецкіе Принцы большею частію наблюдаютъ такое же инкогнито въ литературѣ. Такъ подъ именемъ *Фантазуса* скрывается Герцогъ Баварскій Максимиліанъ-Іосифъ; подъ именемъ *Филалета* Принцъ Саксонскій Іоаннъ-Непомукъ, братъ Короля; подъ загадочнымъ именемъ *Карла Вейсгаупта* Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій Карлъ Фри-

*) Г. Кераръ обѣщаетъ помѣстить въ своей книгѣ, подъ словомъ Louis Philippe, списокъ многочисленныхъ сочиненій этого Короля.

дрихъ-Августъ. Многие значительные люди въ Германіи извѣстны въ литературѣ также подъ вымышленными именами. Настоящее имя *Новалиса* было Гарденбергъ; подъ именемъ *Клаурена* скрывалъ себя Тайный Совѣтникъ Гейнъ. Во Франціи, многие духовные принимали вымышленныя имена, писавши свѣтскія книги; юристы тоже. И не странно ли было бы видѣть имя какого нибудь важнаго судьи въ заглавіи веселаго романа или эротическаго стихотворенія?

Кромѣ всѣхъ этихъ поводовъ къ псевдонимамъ, существуетъ и старинная причина, о которой мы говорили: неблагозвучіе или какое нибудь смѣшное значеніе фамильныхъ именъ. Особливо у насмѣшливыхъ Французовъ, въ ихъ языкѣ, столь ловкомъ на двусмысленности, благозвучіе имени важное дѣло, и оттого многие перемѣняютъ свое имя, дѣлаютъ изъ него анаграммы, принимаютъ фамильное имя своей матери, или называются по мѣсту своей родины — все для того, чтобы не сдѣлать своего настоящаго имени предметомъ насмѣшки. И въ нашемъ Русскомъ языкѣ можетъ существовать этотъ поводъ къ псевдонимамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ высокое дарованіе, которое носило бы фамилію одного изъ лицъ «Ревизора». Развѣ это невозможно? Развѣ не существуютъ фамильныя имена самыя удивительныя? Да, кажется

нѣтъ предмета, нѣтъ названія, которымъ не означалось бы какое нибудь семейство. Нельзя представить себѣ странности нѣкоторыхъ фамильныхъ именъ. Но вызываемъ васъ прочитатъ безъ улыбки заглавіе книги, на которой было бы напечатано: «Стихотворенія *Держи-Морды*», или «Разсужденіе *Земляники*», «Драма *Тяпкина-Ляпкина*». Конечно, слава, заслуги сдѣлали бы народнымъ имя *Чичикова*, *Чепчикова*, *Пѣтушкова*, если бы подъ такими именами явилось дарованіе, равное Пушкину или Грибоѣдову; но первое впечатлѣніе—важно для начинающаго свое поприще, а оно было бы неблагопріятно имени *Держи-Морды*, *Чичикова* или *Пѣтушкова*. Отецъ Французскаго писателя, извѣстнаго подъ именемъ *Valexy*, называется *Rasquin*! Надобно было вымыслить себѣ другую фамилію.

У Французовъ есть еще одна причина измѣненія фамильныхъ именъ, которой у насъ нѣтъ. У cadaго Русскаго есть *имя*, *отчество* и *фамилія*: довольно для различенія носящихъ одно фамильное имя. Но Французы рѣдко прибавляютъ имя, и большею частію даютъ одни и тѣ же имена въ каждой фамиліи; оттого трудно отличать людей, носящихъ одинакую фамилію и это заставляетъ ихъ прибавлять къ ней что нибудь, или и вовсе измѣнять ее. Напримѣръ, фамилія *Кадѣ* различается прибавкою *де Гассикуръ*, *де Деву*, *де Месъ*;

докторъ Гранъ (Grand) подписывается Гальмà-Гранъ, по имени своего дяди, Аббата Гальмà. Множество семействъ во Франціи носятъ фамилію Мартенъ, и различаются разными прибавками къ своему фамильному имени. Недавно умершій, извѣстный писатель Эме-Мартенъ, почтенный старикъ, всегда обижался когда его называли просто Mr. Martin, и въ послѣдніе годы свои подписывался не иначе какъ Aimémartin, сдѣлавъ себѣ одно имя изъ двухъ. Два брата, извѣстные медики, называются: первый Мартенъ-Баронъ, другой — Мартенъ-Солонъ, хотя отецъ ихъ назывался просто Мартенъ.

Капризъ, осторожность и какая-то странная стыдливость, которую можно назвать жеманствомъ, производятъ больше всего псевдонимовъ въ литературѣ. Во Франціи, многія знатныя дамы пишутъ, печатаютъ — и почти всегда безъ имени или подъ вымышленнымъ именемъ. Онѣ, видите ли, боятся прозванія *сильго чулка*, которымъ въ Англіи и во Франціи означаютъ пишущихъ и ученыхъ женщинъ.

У нѣкоторыхъ писателей псевдонимія является какою-то особенною странностью. Вотъ что говоритъ остроумный авторъ извѣстія о жизни Ганри Бея, не такъ давно умершаго и написавшаго много замѣчательныхъ сочиненій: «Онъ не любилъ, боялся извѣстности, и сочиненія его из-

«давались всегда подъ вымышленными именами, которыя перемѣнялъ онъ почти при всякомъ сочиненіи своемъ. *Стендаль*, *«Комоне, Сальвиати, Висконтини, Лизіо, Биркбекъ, Штромбекъ, Баронъ Ботмеръ, Серъ Уильямъ Р...., Теодозъ Бернаръ (du Rhône), Сезаръ - Александръ Бомбе, Лажневс»*—вотъ только нѣкоторые изъ его псевдонимовъ. Онъ, повидимому, очень заботился оставаться неизвѣстнымъ и всячески старался сбить съ толку читателя, придавая себѣ, на заглавіи своихъ книгъ, то одно, то другое качество, представляясь кавалерійскимъ офицеромъ, таможеннымъ чиновникомъ, торговцемъ желѣзнаго товара, и Богъ знаетъ чѣмъ еще! Воображеніе его постоянно работало надъ изобрѣтеніемъ какого нибудь новаго переодѣванья, и умъ былъ свободенъ только подъ маскою. Про него можно было повѣстовать то, что сказалъ Монтескье объ одной своей знакомой: — Она ходитъ довольно хорошо, но тотчасъ начинаетъ хромать, какъ только глядятъ на нее.—Въ самомъ дѣлѣ, едва появлялась въ свѣтъ новая его книга, таинственный авторъ спѣшилъ изъ города за нѣсколько сотъ миль, боясь услышать разсужденія о своемъ новомъ трудѣ. Однажды, гдѣ-то въ глуши, онъ неожиданно прочиталъ въ одномъ «Обозрѣніи», самый лестный разборъ какого-то своего сочиненія, и признавался, что,

«въ изумленіи отъ этого удивительнаго «разбора, расхохотался отъ полноты ду-
«ши!...» Другой писатель, Г. Гриль, уже
больше пятидесяти лѣтъ занимается съ
успѣхомъ разными отраслями литературы, и
ни одно изъ многочисленныхъ его сочине-
ній не явилось подъ его именемъ. Кромѣ
сочиненій безыменныхъ, онъ печаталъ
много подъ псевдонимами: *Любителя*, *Эр-
неста*, *Геліона де Шанъ-Шарль*, *Маль-
вуазина*, *Турньбелля*, и проч. *)

Иногда писатель, перемѣняя родъ сво-
ихъ литературныхъ занятій, перемѣняетъ
и имя. Даровитый Поль Макруа началъ
свое поприще филологическими трудами,
но они не имѣли успѣха. Тогда онъ явил-
ся подъ именемъ *Жакоба Библиофила*, ко-
торое и заслужило почетную извѣстность.
Другіе начали театральными шалостями, а
потомъ писали нравственные сочиненія на
Монтіоновскую награду, и скрывали грѣш-
ное имя подъ мантиею смиренія. Случалось
и на оборотъ: Ренѣ Детурбе, ревностный
защитникъ Іезуитовъ, авторъ «Исторіи
Церкви», сдѣлался сочинителемъ романовъ,
подъ псевдонимомъ *Эмиля де Пальмана*,

*) Изъ драматическихъ его сочиненій, кото-
рыя являлись съ именемъ Эрнеста, одно и на
Русскомъ языкѣ имѣло нѣкогда большой успѣхъ,
особливо на сценѣ: это *Ботъ, Англійскій купецъ*.
Мы помнимъ въ этой пьесѣ превосходную игру
знаменитаго нашего артиста Щепкина.

аббата Тибержа, Г-жи Монтеспанъ, и проч.

Г. Кераръ посвящаетъ много страницъ обличенію тѣхъ изъ своихъ земляковъ, которые по неистребимой страсти къ титуламъ, искажаютъ и даже перемѣняютъ свои имена, стараясь хоть на своихъ книгахъ, если не въ генеалогическихъ росписяхъ, казаться феодалами по происхожденію. Онъ входитъ въ любопытныя изслѣдованія и представляетъ много непостижимыхъ примѣровъ этой слабости, даже въ умныхъ и заслуженныхъ нынѣшнихъ Французахъ. Нынѣшніе Французы — и титулы! Да, это въ самомъ дѣлѣ непостижимо и показываетъ, какъ хорошо зналъ своихъ Французовъ маленькій капралъ, щедро осыпавшій и себя и всѣхъ своихъ всѣми возможными чинами и титулами. Не слѣдуя за Г. Кераромъ въ этомъ любопытномъ отступленіи, приведемъ слова его только въ отношеніи къ писателямъ. Онъ говоритъ:

«Многіе наши писатели скрываютъ свои родовыя имена подъ заглавными буквами, называясь по имени городовъ, деревень и мѣстечекъ, въ которыхъ они родились, или по именамъ своихъ супруговъ и родственниковъ».

Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, мы укажемъ на имена, извѣстныя и у насъ.

Заслуженный агрономъ Долбаль, котораго имя произносятъ наши сахаровары не

иначе какъ снимая шапку — советѣмъ не Домбаль, а просто Мг. Матье (Mathieu), родившійся въ Домбалѣ, въ Лотарингіи, и только называющій себя *де Домбаль* (de Dombasle), отъ чего имя его походитъ на старинное дворянское *). Настоящее фамильное имя свое, *Матьё*, выставляетъ онъ впереди, какъ будто данное ему при крещеніи, и нѣкоторые изъ нашихъ агрономическихъ писателей называютъ его *Матвѣй Домбаль!*..... А онъ никогда и не былъ Матвѣемъ!..... Подлинное имя его: *С. Ж. А. Матьё, родомъ изъ Домбала.*

Другой писатель, ограничившій свое литературное поприще книжками для первоначальнаго обученія, подписывается *де Форисъ*, изъ смѣшной суетности отрекаясь отъ почтеннаго имени, облагороженнаго въ литературѣ учеными трудами дяди его *Дефориса*, бывшаго братомъ въ Сентъ-Морской Конгрегаціи.

Профессоръ языка Индустаніи, извѣстный подъ именемъ *Гарсена де Тасси* (Garcin de Tassy) — просто Г. Гарсенъ. Онъ женился на дочери уважаемаго негоціанта Г. Тасси, и соединилъ двѣ фамиліи въ одну; но и это должно было писать: *Гарсенъ-Тасси*. Зачѣмъ же еще между ними

**) Для незнакомыхъ съ Французскимъ языкомъ, замѣтимъ, что частица *де*, прилагаемая къ фамильнымъ именамъ, означаетъ у Французовъ дворянское происхожденіе.

частичка *де?*..... Суетность человѣческая почти непростительная въ ученомъ мужѣ!

Многіе Французскіе литераторы искажили свои фамиліныя имена частичкою *де*. Даже почтенный *Дежерандо*, авторъ «Исторіи философскихъ системъ» и многихъ прекрасныхъ нравственныхъ сочиненій, пишетъ свою фамилію *де Жерандо!*..... Г. Жанти (*Genty*), родственникъ Ройе-Коларовъ, и черезъ нихъ вышедшій въ чины, называется теперь *Жанти-де-Буасси*, по имени мѣста своего воспитанія.

Исчисливъ многіе поводы къ псевдонимамъ, Г. Кераръ нашелъ почти все ихъ достойными порицанія; но, съ безпристрастіемъ добросовѣстнаго изслѣдователя истины, онъ помѣстилъ тутъ же и нѣсколько умныхъ замѣчаній Г. Форга, который, разбирая одно изъ прежнихъ библіографическихъ сочиненій его, старался оправдать большую часть псевдонимовъ. Г. Форгъ — какъ говорить о немъ Г. Кераръ — одинъ изъ самыхъ ученыхъ, самыхъ остроумныхъ и самыхъ почтенныхъ писателей въ современныхъ журналахъ — подписывалъ свои фельетоны именами *Tim*, *Old Nick*, и *O. N.* — Не защищая злоупотребленія, онъ отстаивалъ только употребленіе псевдонимовъ. Соглашаясь, что они производятъ путаницу въ литературѣ и вводятъ въ заблужденіе невинныхъ чи-

тателей, Г. Форгъ оканчивалъ свои возраженія Г. Керару слѣдующими словами:

«Наконецъ, слава Богу, мы раздѣлялись со всѣми этими обвинительными изслѣдованіями, между которыми не проскользнуло ни одного намека въ пользу несчастныхъ псевдонимовъ. Какъ! въ самомъ дѣлѣ? такъ у насъ отрицаютъ право искать мрака, какъ другіе ищутъ свѣта? не позволяютъ бояться за свое имя, за имя, которое мы носимъ вмѣстѣ съ тѣми, кого любимъ и уважаемъ больше всѣхъ въ свѣтѣ, и должны предоставлять его шуму и ругательствамъ, неразлучнымъ съ самою смиренною извѣстностью? Такъ вы отказываете намъ въ здоровомъ разсудкѣ, который знаетъ цѣну нашихъ отрывчатыхъ импровизаций, едва годныхъ на день рожденія ихъ и вмѣстѣ смерти? Неужели вы почитаете невозможнымъ самоотрицаніе (очень легкое, напротивъ), которое побуждаетъ насъ отказываться, не отъ личной или нравственной отвѣтственности за свои писанія, но отъ той пошлой извѣстности (*famosité banale*), какую раздѣляютъ съ нами имена, которымъ лучше было бы оставаться въ безвѣстности? О, вы очень несправедливы къ намъ! Можно желать славы, но не извѣстности въ наше время. Слава нынче рѣже нежели когда нибудь, а извѣстность — никогда не была столько дешева и несправедлива. Иной искалъ ее

вѣкъ, и ужъ не ждалъ, какъ она вдругъ сама является къ нему, такъ, ни за что, какъ ленточка Почетнаго Легиона. Неужели же почитать себя достойнымъ ея?... Позвольте отдать себѣ справедливость и отказаться отъ двусмысленной чести быть лицомъ, на которое указываетъ пальцемъ простодушный провинціалъ, собирающій автографы и литературныя фizioноміи. Сколько нибудь выставляясь наружу, пріятно, по крайней мѣрѣ, не тащить за собой мантии, запятнанной чернилами, хромого пьедестала и лиры, всѣхъ этихъ принадлежностей писателя на походѣ. Въ наше время, когда уровень гражданской жизни тяготѣетъ равно на всѣхъ, согласились не смѣшивать одного съ другимъ — существа мыслящаго и существа дѣйствующаго, поэта и помощника мера — Г-на Бѣдена, за сѣдающаго въ Палатѣ и Г-на Дино, участника въ мелодрамахъ *) — водевилиста и государственнаго совѣтника — рекетмейстера Г. Амлю, и Г. Эдмона автора *Mon cousin Lalure* — правоописателя, который подшучиваетъ надъ національною гвардіею,

*) Бѣденъ, банкиръ, потомъ членъ Палаты депутатовъ, написалъ вмѣстѣ съ Г. Губо и В. Дюканжемъ, извѣстную мелодраму: *Тридцать лѣтъ или жизнь широка*. Псевдонимъ Dinaux составленъ изъ окончательныхъ слоговъ именъ Beudin и Goubaux.

и гражданина-солдата, почетно избираемого въ капитаны».

Выводомъ изъ всѣхъ представленныхъ нами замѣчаній о псевдонимахъ можетъ быть то, что это, безспорно, самый невинный и иногда необходимый обманъ литературный. Но равно неоспоримо и то, что онъ часто переходитъ въ злоупотребленіе, что онъ доведенъ въ наше время до крайнихъ предѣловъ своихъ, и что открывать псевдонимы необходимо для ясности и истины въ Исторіи литературы, для предохраненія читающей публики отъ многихъ обмановъ и шарлатанствъ.

Можетъ быть, мы разочаруемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые привыкли любить инаго автора подъ его маскою, скрывающею истинное лицо. Но это разочарованіе очень сносно; можетъ быть даже, что, напримѣръ, господамъ сахароварамъ, еще пріятнѣе уважать въ своемъ учителѣ Г. Мартена вмѣсто Г. де Домбала? Имя не перемѣняетъ человѣка, и простолюдинъ Мартенъ можетъ быть также свѣдушъ въ своемъ дѣлѣ, какъ великолѣпный де Домбаль !.... Не такъ легко разочарованіе, когда подъ псевдонимомъ скрывается шарлатанство и злоупотребленіе; когда невинные читатели, вѣря имени, выставленному на книгѣ, вѣрили и достоинству книги — а она была только спекуляціей имени!

Всѣ знаютъ, напримѣръ, что подъ псевдонимомъ *Пустынника* въ разныхъ видахъ, Жуи привлекъ вниманіе Европейской публики на свои «очерки правовъ», бывшіе зерномъ правоописаній и на нашемъ языкѣ. «Пустынники», Жуи, имѣли необычайный успѣхъ во Франціи, кажется больше всего отъ того, что явились во время: при Наполеонѣ, самая пошлая болтовня казалась смѣлостью, а «Пустынникъ шоссе-д'Антенскій», осмѣивалъ и порицалъ разныя мелочи общественной жизни, когда всѣ другіе молчали. Безъ остроумія, безъ одушевленія и юмора, просто указывая на то, что было передъ глазами, Жуи заслужилъ неслыханный успѣхъ, породилъ подражателей, удостоился перевода почти на всѣ языки — и наконецъ сдѣлалъ изъ своихъ «Пустынниковъ» просто спекуляцію. Вотъ какъ это было.

Сначала, онъ точно самъ писалъ свои статейки о правахъ. Но еще въ «Шоссе-д'Антенскомъ пустынникѣ» многія статьи писаны не имъ, а Г. Мерлемъ, которому и принадлежитъ половина всего сочиненія, то есть изъ 5-ти томовъ два или три. Онъ же участвовалъ въ составленіи продолженія этого пустынника, изданнаго подъ именемъ «Гильома откровеннаго». Въ 1818 году начали появляться статьи «Пустынника въ провинціи», которыя наконецъ составили 14 томовъ; но тутъ Жуи только

сужалъ свое имя: писали все другіе: одна послѣдняя глава: Conclusion, написана имъ во всѣхъ 14-ти томахъ! Изъ множества сотрудииковъ этого сочиненія нѣтъ даже ни одного извѣстнаго писателя, развѣ кромѣ всеобщаго поставщика Барона Ламотъ-Лангона и Г-на Леритъе. Въ огромномъ изданіи: Collection d'Observations sur les mœurs, etc, въ 76 томахъ, Жуи напечаталъ подъ своимъ именемъ цѣлую книгу, въ 2-хъ томахъ: La Morale appliquée à la Politique, которая написана также не имъ, а Г-мъ Анне. Во время своего заключенія въ 1827 году, онъ издалъ, вмѣстѣ съ Же: «Пустынники въ тюрьмѣ», 2 тома; но и тутъ нѣтъ ни одной его строки: всѣ статьи, подписанныя Жуи, сочинены Гг. Баржине и Магаллономъ, которые были въ одно время съ нимъ въ тюрьмѣ. Тогда Жуи уже просто торговалъ своимъ именемъ. Въ томъ же году изданъ романъ, съ его именемъ: Cécile ou les Passions, 5 vol.; но кто могъ подозрѣвать, что это сочиненіе—Филарета Шаля, одного изъ лучшихъ современныхъ писателей, умнаго, просвѣщеннаго, но тогда еще молодого человѣка, бывшаго секретаремъ Жуи!..... Мало всего этого: Жуи ссудилъ свое имя антрпренерамъ нелѣпой, безобразной компиляціи, изданной подъ заглавіемъ: Biographie nouvelle des contemporains, гдѣ на заглавномъ листкѣ названы сочинителями ея Жуи, Же,

арно, и Норвенъ, извѣстные писатели, тогда какъ ее составляли какіе то беземысленные писаки, не умѣвшіе различить даже противорѣчій въ своей компиляціи, сшитой изъ лоскутьевъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и наполненной ошибками невѣроятными. Кто повѣритъ, что тамъ есть слѣдующая ошибка, подъ статью *Фетъ Али-Шахъ*: «Баба-Ханъ, предводительствуя многочисленною арміею, взомелъ на престолъ, спобѣдивъ трехъ другихъ претендентовъ, которые назывались *Испаганъ, Сабирасъ* и *Тегеранъ*».

Notre magot prit, pour ce coup,
Le nom d'un port pour un nom d'homme!

Жуи не совѣстился ссужать извѣстность своего имени для прикрытія такого невѣжества, какъ не совѣстился выдавать чужія сочиненія за свои, которыя и покупала, и вкушала современная публика, восхищаясь мастерскими его очерками нравовъ!..... Осуждайте послѣ этого фабрикантовъ, которые продають шипучую бурду съ этикетками *настоящаго шампанскаго*!.....

Впрочемъ, это уже переходитъ за черту *псевдоимизма*—это относится къ тѣмъ подлогамъ, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, а здѣсь сказали обо всѣхъ литературныхъ грѣхахъ Жуи только для того, чтобы не возвращаться къ его име-

ни еще разъ. Обращаемся къ обыкновеннымъ псевдонимамъ.

Знаете ли вы старинную, но очень милую оперу *Жоконда*? Она имѣла въ свое время успѣха не меньше нынѣшнихъ модныхъ оперъ, и частію его была обязана своему пріятному либретто. А кто былъ сочинитель его? Неужели не Этьеннь, какъ напечатано было на *деяти* изданіяхъ этого либретто? Нѣтъ, Маре, герцогъ Бассано, блистательный министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона и начальникъ его канцеляріи. Онъ умѣлъ не только облекать въ дипломатическія формы пылкія импровизаціи своего повелителя, но и любилъ литературу. Этьеннь былъ его секретаремъ и любимцемъ. Искренность ихъ связи была такова, что Маре написалъ «*Жоконда*» и отдалъ его Этьенню, который, какъ опытный драматургъ, можетъ быть, сдѣлалъ въ этомъ сочиненіи нѣкоторыя перемѣны, необходимыя для сцены, и выдалъ себя авторомъ его, потому что важному министру Наполеона казалось не кста-ти объявить себя сочинителемъ опернаго либретто.

Этьення обвиняли еще въ томъ, что комедія его: «*Два зятя*», надѣлавшая въ свое время много шума, была взята изъ старинной піесы какого то іезуита. Мы увидимъ дальше, что Французскіе писатели позволяютъ себѣ такіа заимствованія во всѣхъ

родахъ литературы. Здѣсь остается намъ исчислить нѣсколько псевдонимовъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова.

Въ прошедшемъ году издано на Русскомъ языкѣ начало перевода книги: «Исторія морскихъ разбойниковъ», сочиненіе *Кристиана* (Christian). Это псевдонимъ, подъ которымъ скрывается Г. Питуа (Pilois), племянникъ книгопродавца Питуа-Левро, бывший секретаремъ при маршалѣ Бюжо. Онъ издалъ подъ своимъ псевдонимомъ очень много книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ имъ самимъ, а также и старыхъ сочиненій и переводовъ, съ своими введеніями и замѣтками. Только на одномъ изъ первыхъ его сочиненій: *Paris historique*, было выставлено имя *Ш. Нодье*, который, какъ видно, охотно ссужалъ свое имя многимъ спекуляціямъ. Всѣ увѣряютъ, что онъ былъ человекъ почтенный, но лишь въ послѣдніе годы жизни былъ не въ нуждѣ, которая принуждала его часто торговать своимъ именемъ. Г. Питуа издалъ, въ 1845 году, своего сочиненія «Воспоминанія маршала Бюжо объ Алжирѣ и Марокѣ»; но когда маршалъ объявилъ въ газетахъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ этомъ сочиненіи, Г. Питуа сдѣлался порицателемъ его въ другомъ сочиненіи объ Алжирѣ, хотя прежде разсыпался въ похвалахъ бывшему своему начальнику. Вообще, надобно съ осторожностью братья

за книги, означенныя именемъ *Кристiana*: у этого псевдонима не дрогнетъ рука ни на какую продѣлку. Такъ онъ издалъ множество книжекъ, будто бы переведенныхъ имъ изъ сочиненій Каноника Шмита: а это его собственные издѣлія.

Въ журналахъ нашихъ иногда упоминаютъ о *Графинѣ Дашъ*, представляя ее какою-то аристократкою-писательницею и вѣря отъ чистаго сердца, что графиня не можетъ не быть аристократкою. Но графиня Дашъ — псевдонимъ, подъ маскою котораго издаетъ свои произведенія знаменитая *тигрица*, современная *Нинона* (*la Ninon de l'époque*, какъ называется ее Г. Кераръ). Правда, что теперь она *Виконтесса де Сенъ-Марсъ*, но еще недавно была *Систернъ де Куртира* и отличалась не въ аристократическомъ кругу.

Другая писательница, извѣстная въ литературѣ подъ именемъ *Эжени Фoa* (*Eugénie Foa*) — также псевдонимъ, скрывающій еврейку, Евгенію Ревекку Родригезъ, родившуюся въ Бордо, въ 1803 году.

Подъ именемъ *Баронессы Карловичъ*, издаетъ на Французскомъ разныя сочиненія свои и переводы съ Нѣмецкаго Г-жа Дютертръ, урожденная баронесса Карловичъ.

Нѣсколько другихъ дамъ издаютъ на Французскомъ свои сочиненія подъ вымышленными именами, которыя еще не вошли

въ составъ книги Г-на Керара, расположенной по азбучному порядку. Изъ названныхъ въ ней мы указали только на псевдонимы, извѣстные у насъ и принимаемые многими за подлинныя имена. Упомянемъ также о нѣсколькихъ, извѣстныхъ у насъ псевдонимахъ мужчинъ.

Клаудиусъ (Claudius), подъ именемъ котораго издана коллекція народныхъ книжечекъ по разнымъ частямъ знаній — есть Г. Рюэль (Charles Ruelle), бывшій при Королевской библіотекѣ и потомъ профессоромъ реторики въ Лилльскомъ Коллегиумѣ.

Сочинитель множества очень пріятныхъ романовъ, повѣстей, театральныхъ піесъ (между прочимъ романа и комедіи: *Le Chevalier de Saint-Georges*), и множества статей въ журналахъ, извѣстный подъ именемъ *Роже де Бовуара*, называется въ гражданскомъ быту просто *Роже*, сынъ бывшаго чиновника. Прозваніе *де Бовуаръ* прибавилъ онъ къ своему настоящему имени по страсти нынѣшнихъ Французовъ *дворяниться*, какъ говаривали у насъ въ старину. Бовуаръ — клочекъ земли, которымъ когда-то владѣла мать его въ Нормандіи.

Кто даже изъ Русскихъ читателей не знаетъ имени очаровательнаго романиста *Шарля Бернара*, котораго лучший романъ — «*Жерфо*» — не переведенъ однакожъ на

Русскій языкъ? Настоящее фамильное имя его — *Дюграль де ла Виллетт* (Dugraille de la Villette). Онъ принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Франшъ - Конте. Псевдонимъ Шарля Бернара принялъ онъ какъ будто наперекоръ многимъ своимъ землякамъ, присвоивающимъ себѣ не принадлежащія имъ титулы. Это псевдонимъ позволительный, честный, просто — литературное имя, которое прославилъ человекъ даровитый и которое останется въ исторіи литературы Французской, какъ имя Жанъ Поля или Новалиса въ Нѣмецкой. Читателямъ уже трудно привыкнуть къ новому имени писателя, когда они свыклись съ его псевдонимомъ и полюбили его подъ этимъ вымышленнымъ именемъ.

Особенно много псевдонимовъ между Французскими (и Нѣмецкими) драматическими писателями. Кромѣ нѣсколькихъ знаменитостей, каковы Скрибъ съ товарищами, большая часть комиковъ и водевилистовъ носятъ вымышленныя имена. Напримѣръ, *Дюманіанъ* — маска Г. Бурлена (J. A. Bourlain); Г. Ансло называется то *Эрнестомъ*, то *Годервилемъ*, то *Сенъ-Бри*; Г. Баяръ — *Леонъ Шикаръ*, Г. Теодонъ — *Леонъ*. Новички почти всеявляются подъ псевдонимами. Французы имѣютъ для этого особенную и уважительную причину, которую одинъ критикъ объяс-

няетъ такъ: «Если гдѣ нибудь случай можеть быть названъ властителемъ, то это, конечно, въ театрѣ, во Франціи. Передъ этимъ бурнымъ судилищемъ слишкомъ легко ославить свое имя въ случаѣ неуспѣха, а онъ зависить тамъ — отъ чего? Дурно пропоютъ куплетъ, опоздають выходомъ, фальшиво возьмутъ ноту, поставятъ глупую декорацию — за каждую изъ этихъ неудачъ васъ проклянутъ и обругаютъ, да еще какъ! Преступникъ, выставленный у позорнаго столба, шайка злодѣевъ, ведомыхъ на каторгу, никогда не навлекутъ на себя столько браней, оскорбительныхъ криковъ, завываній и свистковъ, сколько услышитъ ихъ новичекъ-авторъ за какую нибудь неудачу. Если бы онъ убилъ отца, измѣнилъ отечеству, ему не оказали бы больше презрѣнія и негодованія. Правда, что всѣ эти изъявленія ничего не значать. Каждый ругатель въ театрѣ ни сколько не желаетъ зла несчастному, хотя чуть не требуетъ, чтобы съ него сняли голову. Въ тотъ же вечеръ онъ готовъ отужинать съ нимъ по-пріятельски. Но, согласитесь — страшно бросить свое имя на растерзаніе этимъ собакамъ!.....»

Г. Кераръ упоминаетъ и о знаменитомъ псевдонимѣ Юніуса (Junius), котораго «Письма» были переведены два раза на Французскій, и на другіе Европейскіе языки, а въ Англіи до сихъ поръ служатъ

предметомъ изученія для государственныхъ людей, и — задачею для библіографовъ, все еще не открывшихъ: ктò былъ авторъ этихъ знаменитыхъ «Писемъ». Изъ восьми разныхъ лицъ, называемыхъ разными исследователями, Г. Кераръ склоняется въ пользу Деломма, извѣстнаго и у насъ по переводу его «Конституціи Англіи». Г. Кераръ очень остроумно замѣчаетъ, что въ одномъ письмѣ Юніуса (отъ 30 Января 1771 года) есть приписка на Французскомъ языкѣ, написанная такъ хорошо, что Англичанинъ не могъ составить ея. Извѣстно и то, что изъ семи Англичанъ, ни одинъ, признаваемый по догадкамъ авторомъ «Писемъ Юніуса», не обладалъ Французскимъ языкомъ въ совершенствѣ. Но и догадка Г. Керара не рѣшаетъ вопроса окончательно — а ужъ скоро сто лѣтъ, какъ появились и надѣлали столько шума «Письма Юніуса». Вотъ псевдонимъ, котораго тайна скрылась отъ всѣхъ поисковъ исследователей, и, вѣроятно, останется тайною навсегда. Видно, ее знали только двое: авторъ и издатель его. Третій выдалъ бы ихъ !.....

Надобно упомянуть еще о двухъ псевдонимахъ, хотя они только отчасти принадлежатъ литературѣ, то есть одними объясненіями или легендами рисунковъ, издаваемыхъ подъ ложными ихъ именами.

Первый изъ нихъ *Шамъ*, или *Хамъ*

(по Русскому произношенію этого имени). Такъ называетъ себя отличный рисовальщикъ каррикатуръ, второй сынъ Графа *Ноэ*. Однозвучіе этого имени съ именемъ праотца нашего Нѡя (который называется по-Французски Ноэ), дало поводъ остроумному каррикатуристу назвать себя именемъ втораго сына Ноева, Хама.

Другой, больше славный рисовальщикъ, разнообразный въ своихъ произведеніяхъ, и извѣстный подъ именемъ *Гаварни*—также псевдонимъ, потому что настоящее имя его—Поль Швалье (Paul Chevallier). Жаль, что Г. Кераръ не сообщаетъ о немъ никакихъ другихъ свѣдѣній.

Соображая исчисленные нами псевдонимы, можно убѣдиться, что Французскіе литераторы часто оставляютъ публику въ заблужденіи объ именахъ своихъ, часто ссужаютъ другъ друга именами и всячески разнообразятъ этотъ родъ обмана, больше другихъ позволительный и даже необходимый въ литературѣ. Мы старались объяснить, слѣдуя мнѣніямъ самыхъ опытныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей, до какой степени можетъ быть допускаемъ подлогъ псевдонимовъ, и гдѣ переходитъ онъ просто въ обманъ корыстолюбія или другихъ предосудительныхъ побужденій. Теперь приступаемъ къ объясненію такого рода литературныхъ подлоговъ, гдѣ все достойно осужденія, и гдѣ — увы! часто

встрѣтимъ мы виновными самыя громкія знаменитости въ литературѣ и наукахъ!

Разсматривая одинъ за другимъ литературные обманы и подлоги иностранныхъ писателей, мы встрѣчаемъ наконецъ такой изъ нихъ, для котораго Русскій языкъ еще не придумалъ названія. Русскіе, новички и въ добрѣ и въ злѣ книжнаго міра, должны выражать Французское слово: *plagiat*, двумя словами: *литературное хищеніе*. Для краткости, можемъ говорить и просто: *хищеніе*, относя это слово только къ литературѣ. Но прежде всего мы должны объяснить здѣсь само понятіе, выражаемое словомъ, лучше или хуже придуманнымъ.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ современныхъ библіографовъ, баронъ *Рейффенбергъ*, говоритъ: «Надобно условиться въ томъ, что разумѣемъ мы подъ словомъ *хищеніе* (*plagiat*), и не смѣшивать кражи мыслей и слога съ тѣми общими и неизбѣжными во всякомъ сочиненіи мѣстами, которыя необходимы самому оригинальному уму для выраженія разныхъ пошлостей. Какой-то глупецъ утверждалъ, что *Вольтеръ* списываетъ у него выраженія, потому что точно какъ онъ оканчиваетъ свои письма словами: *Вашъ покорнѣйшій слуга*. Въ самомъ дѣлѣ, есть мелкіе умы, безъ идей и безъ дарованія, воображающіе, что кто нибудь унижится до заимствованія у нихъ.

Эти бѣдные люди забываютъ, что у нищаго нечего занимать».

Вотъ слова другаго, очень умнаго и ученаго библіографа, *Шарля Нодье* (въ его Questions de littérature légale, p. 36): «Литературное хищеніе, въ настоящемъ смыслѣ, значитъ то, что у автора (особливо современнаго и отечественнаго, что усиливаетъ виновность) берутъ основу сочиненія, созданнаго его воображеніемъ, развитіе новаго или еще мало извѣстнаго открытія, оборотъ одной или многихъ мыслей, потому что иная мысль можетъ сыграть отъ новаго оборота, иное открытіе можетъ быть пояснено счастливымъ развитіемъ его, основаніе новаго сочиненія можетъ быть улучшено формою его, и несправедливо было бы называть хищеніемъ то, что въ существѣ было бы только распространеніе или прибавленіе».

У всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, бывали литературныя хищенія.

Обвиненіе въ томъ падало на величайшихъ древнихъ писателей. *Порфирій* упоминаетъ объ одномъ неизвѣстномъ писателѣ, который составилъ цѣлое изслѣдованіе, гдѣ обвинялъ *Геродота* въ томъ, что онъ заимствовалъ полныя отрывки изъ описанія Египта, сочиненнаго *Гекатеемъ*. Одинъ *Александрійскій философъ*, и одинъ *грамматикъ*, именемъ *Латинусъ*, написали

изслѣдованія, первый о хищеніяхъ *Софокла*, другой о хищеніяхъ *Менандра*.

Діогенъ Лаэртій говоритъ, что *Эсхинъ* приписывалъ себѣ рѣчи, не имѣ сочиненныя; а по мнѣнію *Сомеза*, *Діодоръ Сицилійскій* списывалъ цѣлые отрывки изъ *Агагарсида*. *Эврипидъ*, *Тимъ-Ливій*, *Салустій* подвергались такимъ же обвиненіямъ.

Въ Средніе Вѣка бывали примѣры хищеній, особливо между лѣтописцами, которые, пользуясь невѣжествомъ своего времени, кажется, нисколько не совѣстились грабить своихъ предшественниковъ. Такъ *Матвей Вестминстерскій* обобралъ *Матвея Парижскаго*, а тотъ, въ свою очередь, списалъ сочиненіе *Рожера*. *Виллани* списалъ *Малеспину*, не упоминая о немъ. *Ральфъ* или *Ранольфъ Гйденъ* (Ranulph Higden), составитель энциклопедическаго сборника XIV столѣтія, называемаго *Polychronicon*, только передѣлалъ, какъ дознались впоследствии, книгу другаго монаха, *Рожера*, называемую *Polycratica temporum*.

Когда, въ XV столѣтіи, изученіе древностей сдѣлалось опять любимымъ занятіемъ грамотныхъ людей, отъ инаго Греческаго или Латинскаго автора оставалась, не рѣдко, одна какая нибудь рукопись, и хищникамъ было славно! За то, противъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ филоло-

говъ есть обвиненія, которыя въ наше время довольно трудно оцѣнить.

«Дороги знаній были такъ избиты, говорить одинъ древній писатель, что авторы встрѣчались на нихъ часто, не зная другъ друга. У нихъ невольно однѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же выраженія; но не всегда случай производилъ такую встрѣчу идей». По мнѣнію *Лабрюэра*, все сказано, и мы только подбираемъ колосья во владѣніяхъ нашихъ предшественниковъ. Но многіе изъ новыхъ писателей не довольствовались подбораніемъ колосьевъ: они просто жали на чужихъ поляхъ.

«Мы избавляемъ себя отъ большаго труда, занимаясь только Французскою литературою», говоритъ *Г. Кераръ*. «Но и тутъ должно указать на многихъ писателей, которые взяли свой нарядъ или изъ платья послѣ умершихъ, или изъ ветоши живыхъ. Достоинство литературы—печезле. Особенно съ 1830 года, литература, говоря вообще, не существуетъ у современныхъ писателей. Писать — сдѣлалось торговлей, средствомъ достигать чего нибудь, наживать деньги. Съ того времени, когда каждый человѣкъ пріобрѣтаетъ у насъ столько уваженія, сколько у него есть денегъ, литераторъ не хочетъ отстать отъ лавочника или скорняка, сдѣлавшихся избирателями и избираемыми въ депутаты. Умъ хочетъ бороться съ богатствомъ. Литерато-

ру необходима роскошь, чтобы взглянули и на него; онъ старается блистать не хуже многихъ другихъ, которые были выше его только деньгами. Литераторъ теперь уже не мудрецъ: онъ дворянинъ, со всѣми дворянскими привычками и поведеніями. Въ этой борьбѣ, ему надобно было создать себѣ блестящее положеніе, всего чаще искусственное. У него родились новыя потребности, и для удовлетворенія ихъ онъ долженъ былъ, чего бы то ни стоило, сообразно положенію, которое онъ избралъ себѣ, или которое указало ему дарованіе, сотворить себѣ годовой доходъ, далеко превышающій доходъ министра. Онъ не можетъ жить порядочно не имѣя отъ 20 до 30,000 франковъ въ годъ, если считается второстепеннымъ писателемъ; а если онъ еще степеню ниже, то надобно по крайней мѣрѣ жалованье Профессора Французскаго Коллегіума. Тогда, если воображеніе его лѣзнитъ, онъ обираетъ мертвыхъ или, какъ Шекспировъ Шейлокъ, вырѣзываетъ куски мяса у живыхъ. Прежде всего надобно наполнить свой бюджетъ. Вотъ, съ позволенія сказать, нравственность нашей эпохи, небольшая, эластическая, усвоенная писателями, подражающими въ этомъ литератору-любимцу публики, обвиняемому — и не безъ основанія — во множествѣ хищеній. А онъ (рѣчь идетъ объ Александрѣ Дюма) съ несчастли-

мымъ цинизмомъ проповѣдовалъ такого рода хищничество, въ журналѣ: *La Revue des Deux Mondes*, въ статьѣ: «Какъ я сдѣлался драматическимъ авторомъ», гдѣ находимъ слѣдующія сужденія:

«Изобрѣтаетъ не человекъ, изобрѣтаютъ люди. Каждый является въ свою очередь, въ назначенный ему часъ, беретъ что знали его отцы, употребляетъ въ дѣло по новымъ соображеніямъ, и прибавивъ нѣсколько частицъ къ суммѣ человѣческихъ познаній, умираетъ, завѣщая ихъ своимъ дѣтямъ. Звѣзда млечнаго пути!... Но создать что либо вполне — я почитаю невозможнымъ!»

«Вотъ почему *Шекспиръ*, когда одинъ глупый критикъ обвинялъ его, что онъ беретъ иногда цѣлое явленіе изъ какого нибудь современнаго писателя, отвѣчалъ:

«Это женщина, которую извелъ я изъ дурнаго общества и ввелъ въ хорошее.

«Вотъ почему и *Мольеръ* отвѣчалъ еще простодушнѣе, когда къ нему обратились съ такимъ же упрекомъ:

«Беру свое добро гдѣ нахожу его.

«И *Шекспиръ* и *Мольеръ* были правы: человекъ гениальный не грабитъ, а завоевываетъ, присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ новую область, даетъ ей свои законы, населяетъ ее своими подданными, держитъ надъ нею свой золотой скипетръ и никто не осмѣлится сказать глядя на пре-

красное его достояніе: «Эта частичка земли не твоя родовая».

«Я увлеченъ высказать все это, прибавляетъ проповѣдникъ новой нравственности, потому что—геній тутъ дѣло стороннее—со мною ведутъ такую же войну, какъ съ *Шекспиромъ* и *Мольеромъ*, потому что меня упрекаютъ даже за мои продолжительныя и трудныя изученія, потому что вмѣсто спасибо за указанныя мною публикѣ невѣдомыя сценическія красоты, мнѣ намекаютъ на нихъ, указываютъ пальцемъ, какъ будто на хищенія и кражи. Правда, могу утѣшиться по крайней мѣрѣ тѣмъ сходствомъ съ *Шекспиромъ* и *Мольеромъ*, что нападавшіе на нихъ остались неизвѣстны даже по именамъ своимъ: такъ они были ничтожны».

Какъ ни горько — не говоримъ уже для литературной чести или честности — для славы многихъ великихъ имемъ, а нельзя не согласиться, что въ словахъ Г. Дюма есть правда. И *Шекспиръ*, и *Мольеръ*, и *Корнель*, и множество второстепенныхъ поэтовъ и литераторовъ всякаго рода, брали, или «завоевывали», какъ говоритъ А. Дюма, чужое добро, не упоминая о томъ, и выдавали чужія созданія и даже мысли, выраженія, за свои собственныя. Нѣкоторыя изъ піесъ *Шекспира* — просто передѣлки старинныхъ или чужихъ піесъ, какъ доказано безпристрастными изслѣдо-

ваніями критики. Въ старину, отъ невѣжества ли публики, или отъ общаго употребленія, это даже не казалось дико и странно. Въдь, въ нѣкоторыхъ странахъ, биржевыя продѣлки не почитаются же гадкимъ поступкомъ, не клеймятъ тѣхъ, кто ими занимается, не навлекаютъ на этихъ людей общаго презрѣнія? Тамъ судятъ по успѣху, и кто богатъ, хоть бы съ грѣхомъ по-поламъ, тотъ всюду принятъ, и вездѣ въ почетѣ, хотя ненекусерый товарищъ его идетъ на галеры, и въѣготовы плевать на него, какъ на мошенника и глупца. Почти такъ было и въ литературѣ. Во Франціи литературные хещники не переводились съ начала шестнадцатаго столѣтія. И кого находимъ между ними? *Монтень* весь сшитъ изъ лоскутьевъ древнихъ уметвователей. Но, безпрестанно собирая *Сенеку*, *Плутарха* и другихъ, онъ еще самъ подшучиваетъ надъ этимъ, и какъ будто сознается, говоря, что ему весело, когда критики, щелкая его въ носъ, даютъ собственно щелчки *Сенеки*, или кому небудь иному. *Шарронъ*, добродушный правоучитель, не затруднялся въ этомъ отношеніи: самыя великобѣныя мѣста его списаны буквально у разныхъ писателей, и часто это тоже самое, что *Монтень* выписывалъ изъ *Сенеки* или *Плутарха*. *Шарль Нодье* удивляется, какъ рѣшался на это *Шарронъ*, такой

почтенный человекъ. А въ какой Аркадіи жилъ *Ш. Нодье*? Кто же изъ Французскихъ писателей шестнадцатаго столѣтія не хищничалъ? Въ семнадцатомъ столѣтіи писатели были такъ же мало разборчивы.

Оригинальныя дурачества *Рабле* доставили много самыхъ остроумныхъ сценъ *Расину* и *Мольеру*, много лучшихъ сказокъ *Лафонтену* и его подражателямъ, и наконецъ послужили жалкою и бѣдною канвою автору одного столько же вздорнаго, сколько извѣстнаго романа. *Мольеръ* побирался не у одного *Рабле*: онъ полными горстями бралъ у многихъ древнихъ писателей, особливо у *Плавта*, и также у *Италіянцевъ*, у *Испанцевъ*, у старинныхъ Французскихъ писателей. *Бержераку* обязанъ онъ лучшею сценою въ своихъ «*Плутняхъ Скапена*».

Бель и *Фонтенелль* были также порядочные хищники. «Но, говоритъ *Ш. Нодье*, «никто не сравнится въ дерзости такой кражи съ *Паскалемъ*. Въ одной главѣ у него нашелъ я семь или восемь примѣровъ хищничества; но кто станетъ со вниманіемъ читать «*Essais de Montaigne*» и «*Pensées de Pascal*», тотъ найдетъ множество подобныхъ примѣровъ».

Литературныя хищенія были въ такомъ ходу въ семнадцатомъ столѣтіи, что въ Парижѣ открылась тогда особая каѳедра, съ которой преподавалось искусство, до-

вольно любопытное. Нѣкто *Ришсурсъ*, вздорный болтунъ, называвшій себя «Директоромъ Академіи ораторовъ - философовъ», брался научить самаго бездарнаго человѣка быть отличнымъ авторомъ. Онъ издалъ книгу, гдѣ изложилъ правила своего искусства, подъ заглавіемъ: «*Le Masque des orateurs, ou la Manière de déguiser toutes sortes de compositions, lettres, sermons, panégyriques, oraisons funèbres, dédicaces, discours, etc. Paris, 1667, in-16.*»

Въ книгѣ своей, *Ришсурсъ* прежде всего замѣчаетъ, и очень справедливо, что не всѣ, кто занимается литературой, находятъ въ себѣ основныя силы для успѣха. Такимъ несчастнымъ писателямъ хочетъ онъ помочь и научить ихъ собирать въ чужихъ садахъ плоды, которыхъ не производитъ собственная ихъ бесплодная почва, но собирать съ такимъ искусствомъ, что публика и подозрѣвать не будетъ ихъ въ кражѣ. Украшая свое новое искусство названіемъ *плагиаризма*, онъ выражается такъ:

«Плагіаризмъ ораторовъ есть искусство, употребляемое иными чрезвычайно ловко: оно состоитъ въ измѣненіи всѣхъ частей сочиненія, своего или чужаго, такъ, чтобы его не могъ узнать и самъ авторъ его; слогъ и основаніе сочиненія, все должно быть переименовано».

Далѣе Профессоръ показываетъ, какъ должно быть расположено мѣсто, которое

хотятъ списать и измѣнить. Задача въ томъ, чтобы все представить въ новомъ порядкѣ, замѣнить слова и фразы равносильными словами и фразами, и проч. Напримѣръ, если ораторъ сказалъ, что посланникъ долженъ имѣть три качества: прямодушіе, ловкость и смѣлость, то передѣлыватель скажетъ: смѣлость, ловкость и прямодушіе. Но это самое общее правило; оно не можетъ быть употребляемо часто, потому что оно ужъ слишкомъ просто; надобно перемѣнить все выраженія, и тѣмъ возвыситься до хищенія истинно-оригинальнаго. Въмѣсто: смѣлость, хищникъ поставитъ: сила души, увѣренность, твердость характера; прямодушіе замѣнитъ онъ искренностью, или добродѣтелью. Онъ можетъ переименовать фразу, сказавъ, что посланникъ долженъ быть твердъ, добродѣтеленъ, искусенъ.

Въ окончаніи этого удивительнаго сочиненія помѣщены отрывки изъ знаменитыхъ писателей, устроенные или перестроенные по методу Ришурса, безъ всякихъ украшеній. Многіе славные писатели, между прочимъ Флешье, въ юности своей, посѣщали курсы этого Профессора воровства въ литературѣ. Его, какъ видно, совсѣмъ не презирали. Флешье написалъ къ нему посланіе. Методъ его постоянно слѣдовали, особливо въ ораторскихъ рѣчахъ. Зналъ или нѣтъ его наставленія нашъ великій

Ломоносовъ, но во многихъ своихъ стихотвореніяхъ и рѣчахъ, онъ цѣликомъ переводилъ древнихъ ораторовъ; а чужія мысли у него сплошь и рядомъ. Объ этомъ есть любопытное изслѣдованіе покойнаго *Каченовскаго*, въ *Вѣстникѣ Европы*, 1812 года — если не ошибаемся. Но о Русскихъ писателяхъ мы упоминаемъ только мимоходомъ, гдѣ приходится къ слову. Надобно написать особую книгу обо всѣхъ или хотя главнѣйшихъ заимствованіяхъ, похищеніяхъ и кражахъ, какими наполнена Русская литература. Хорошо зная ее во всѣхъ подробностяхъ, можемъ исполнить это при первомъ досугѣ. Теперь рѣчь объ одномъ изъ источниковъ ея — литературѣ Французской.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ числа многихъ хищеній, какими отличалась Французская литература въ XVIII столѣтіи.

«*Рамсе*, говоритъ *Вольтеръ*, сотворилъ *Путешествія Кира* (Paris, 2 vol., 1727), потому что учитель его, *Фенелонъ*, заставилъ путешествовать *Телемака*. Тутъ еще только холодное подражаніе, а не хищеніе, собственно такъ называемое; но когда, въ путешествіяхъ *Кира*, *Рамсе* буквально списываетъ, то *Фенелона*, то умствованія одного стариннаго Англійскаго философа, это уже очень походить на хищеніе. Провожая *Кира* въ Египетъ, онъ описываетъ эту землю тѣми же самыми выра-

женіями, какія употреблялъ *Боссюэтъ* — списываетъ его слово въ слово, а не упоминаетъ о немъ. Вотъ это уже хищеніе во всей формѣ. Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ *Вольтеръ*, сталъ упрекать его за это; *Рамсе* отвѣчалъ: «Развѣ не лѣзя встрѣтиться? развѣ удивительно, что я думаю какъ *Фенелонъ* и выражаюсь какъ *Боссюэтъ*?» Для такихъ то людей есть пословица: «Fier comme un écossais».

Вольтеръ часто и за себя жаловался на хищниковъ. Безчисленные его сочиненія представляли имъ такой богатый рудникъ, что иногда они черпали изъ него слѣшкомъ нескромно. Самымъ дерзкимъ называлъ онъ *О. Жозефа Барра*, Каноника церкви Св. Женевьевы, бывшаго Канцлеромъ Парижскаго Университета. Онъ издалъ, въ 1748 году «Исторію Германіи», въ 11 томахъ in-4, гдѣ вмѣстилъ больше двухъ сотъ страницъ изъ «Исторіи Карла XII», обезобразивъ ихъ. «Этакого неслѣпаго хищенія и невидано!» восклицаетъ *Вольтеръ*. «Онъ заставляетъ Герцога Лотарингскаго говорить точно то, что говорилъ Карлъ XII. Онъ относитъ къ Императору Арнульфу то, что случилось съ Шведскимъ Монархомъ. Онъ говоритъ объ Императорѣ Рудольфѣ что сказано о Королѣ Станиславѣ; Валдемаръ, Король Датскій, дѣлаетъ и говоритъ у него точно то, что дѣлалъ и говорилъ Карлъ въ Бендерахъ,

и проч.» Всего забавнѣе, что одинъ журналистъ, пораженный такимъ сходствомъ двухъ сочиненій, порецалъ за похищеніе — автора Исторіи Карла XII, которая была написана и явилась двадцатью годами прежде книги *О. Барра*».

Почтенный Каноникъ шускался и не въ такіе грабежи. *Рюстенъ де Сенъ-Жорри* оставилъ въ рукописи Жизнь Маршала *Фабера*; ее купилъ *д'Аржанталь* и подарилъ Графу *Кэлюсу*, а тотъ, не читавши, отдалъ отцу *Барру*, который — напечаталъ ее за свое сочиненіе. Публика, вѣрно, дивилась, что духовная особа описываетъ жизнь военачальника! Послѣ узнали имя истиннаго автора.

Но самъ *Вольтеръ*, который былъ уменъ и гадокъ какъ дьяволъ, обладалъ превосходными, дивными силами ума, даже генія, и тонулъ въ мелкихъ порокахъ и слабостяхъ — *Вольтеръ* самъ несомнѣнно виновенъ во многихъ хищеніяхъ. *III. Нодье* доказалъ это въ своихъ «*Questions de littérature légale*», гдѣ приводитъ онъ подлинныя сочиненія, изъ которыхъ черпалъ *Вольтеръ* мысли и даже слова. — Всего разительнѣе открывается хищеніе его въ небольшомъ романѣ: «*Задигъ*, или судьба, восточное сказаніе». Непримирымъ врагъ его, *Фреронъ*, первый указалъ, что онъ взялъ цѣлую главу этого романа, называемую: «*О собакахъ и лошади*», изъ со-

чиненія: «Путешествія и приключенія трехъ князей Сарендипскихъ», переведеннаго съ Италіянскаго, и *Вольтеръ* только поставилъ вмѣсто верблюда — собаку и лошадь. Чудное усиліе воображенія! прибавляетъ *Фреронъ*. Эпизодъ о пустыяникѣ взять, почти слово въ слово, изъ сочиненія *Томаса Парнелля*, писаннаго въ стихахъ и называемаго «The Hermite». Изъ этого Англійскаго стихотворенія заимствовалъ *Вольтеръ* не только мысль, рассказъ, но и слова, однако не намекнулъ о томъ. Читая подлинники этихъ эпизодовъ *Задига*, невольно дивитесь безстыдству знаменитаго писателя, который, кажется, не нуждался въ силѣ воображенія. Но, видно, минуты лѣности побѣждали у него даже самыя обыкновенныя соображенія нравственности.

Руссо обвинялъ *Мабли* въ похищеніи у него всѣхъ главныхъ мыслей для своихъ сочиненій, что было отчасти и справедливо. Но самого *Руссо* обвиняли въ похищеніяхъ, и между прочимъ *Дюлоранъ*, въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: «Г. *Руссо* взялъ свой «Общественный договоръ» (Le Contrat social), слово въ слово изъ «Ulrici Huberti de Jure civitatis, libri III», напечатанной въ Франкертѣ, въ Фрисландіи, въ 1684, и перепечатанной во Франкфуртѣ, въ 1718 году. Эта книга есть во всѣхъ большихъ библіотекахъ: можно справиться. Защит-

ники Женевского философа скажутъ, можетъ быть: что жъ за бѣда, если Г. Руссо обокралъ Губерта Фрисландца? это Прометей, похитившій для насъ небесный огонь. Сравненіе не годится. Далеко Женевцу до славы Япетова сына: онъ взялъ свой огонь не въ небѣ, а въ библіотекѣ Тамъ канва всѣхъ его сочиненій».

Жаль, что это тяжкое обвиненіе противъ Руссо осталось безъ дальнѣйшихъ поясненій.

Въ началѣ нашего столѣтія, былъ чловѣкъ, глубокій невѣжда, который однакожъ умѣлъ составить себѣ славу ученаго оріенталиста: это Ланглесъ (Langlès), извѣстный безстыдными похищеніями. Изъ множества изданныхъ имъ сочиненій, которыя онъ обыкновенно выдавалъ за свои труды, мы укажемъ только на «Путешествіе Абдуль-Рицака», переведенное имъ съ Персидскаго, какъ сказано въ заглавіи. Оріенталисты долго и почитали эту брошюру единственнымъ опытомъ, если не доказательствомъ свѣдѣній его въ Восточныхъ языкахъ. Въ 1812 году открылось, что и это было воровство! Г. Одиффре нашелъ въ Королевской, или тогда еще Императорской (при Наполеонѣ) библіотекѣ, два списка Галланова перевода, который только переписалъ этотъ безстыдный Ланглесъ. Галланъ, познакомившій цѣлый свѣтъ съ «Тысячью одною ночью», оставилъ въ рукописи пол-

ный переводъ Исторіи Шахъ-Рока и другихъ потомковъ Тамерлана, сочиненной Абдулъ-Рицакомъ. *Ланглесъ* наражался въ чужія перья, и желая спрятать концы въ воду, выдралъ изъ рукописи *Галлана* тѣ тетради, гдѣ Персидскій авторъ описываетъ свое путешествіе, но забылъ, что есть еще другой экземпляръ той же самой рукописи, гдѣ онъ только отиѣтилъ мѣста, похищенные имъ изъ одного экземпляра. Тутъ же узнали, что *Ланглесъ* еще прежде взялъ изъ *Галлановой* рукописи тетрадку, изданную имъ, также за свою, подъ заглавіемъ: «Взаимныя посольства Государей Индійскаго и Персидскаго и Императора Китайскаго».

Указывая на литературныя хищенія нашего просвѣщеннаго столѣтія, мы означимъ немногое, боясь наскучить читателямъ, если бъ вздумали указать хоть на сотую часть всего, совершеннаго въ этомъ отношеніи такъ смѣло и безстыдно!

Въ 1801 году, какой-то *Сенжъ-Анжъ* выдалъ переводъ Овидіевыхъ превращеній. Оказалось, что онъ вмѣстилъ тутъ полторы тысячи стиховъ *Томаса Корнеля*, и еще больше стиховъ *Мальфилатра*.

Въ 1809 году, *Эньякъ*, стихотворецъ, издалъ переводъ Гомеровою «Иліады». Къ счастію его, этотъ переводъ понравился Наполеону, который велѣлъ помѣстить его въ свою библіотечку и любилъ перечиты-

вать. Эньянь получилъ кресла въ Академіи и разныя выгоды. Книга вскорѣ была распродана, и въ 1812 году явился новое изданіе ея. Чего же лучше! Но терпѣніе свѣдущихъ литераторовъ лопнуло, а грозный покровитель Эньяна былъ далеко и ему приходилось ужъ не до Гомера: критика обличила безстыднаго Эньяна, что онъ перифразировалъ свой переводъ изъ прежняго перевода Рошфора, и даже взялъ у него буквально 1,200 стиховъ!.... Онъ и не поморщился. Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого ужъ нѣтъ стыда въ глазахъ, говоритъ старинное Русское присловье!.... Эньянь выкинулъ новую штуку въ томъ же родѣ. Въ 1824 году вышло его изданіе «Сочиненій Расина», съ комментаріями и объясненіями, за которыя успѣлъ онъ сорвать 4,000 франковъ съ книгопродавца Дюлона. Но вскорѣ дѣло объяснилось: все новыя примѣчанія и объясненія были взяты цѣликомъ изъ изданія Эме-Мартена, точно составившаго лучшее изданіе знаменитаго трагика. Онъ доказалъ кражу своего труда неоспоримо, въ новомъ изданіи той же книги, и называлъ это изданіе четвертымъ, а Эньяново признавалъ третьимъ, впрочемъ, не требуя никакого вознагражденія отъ литературнаго похитителя.

Тогда эти похищенія производились съ какимъ-то простодушіемъ, съ какимъ-то

легкомысліемъ Французовъ осмнадцатаго столѣтія: похищали больше всего для славы, дорожа названіемъ сочинителя, и рѣдко изъ какихъ нибудь другихъ побужденій. Если поразобратъ извѣстнѣйшихъ Французскихъ писателей начала нынѣшняго столѣтія, то немногіе не подвергнутся обвиненію въ литературныхъ хищеніяхъ, потому что даже самые знаменитые и даровитые не совѣстились обирать старыхъ и новыхъ писателей. Такъ напримѣръ, *Делиль*, авторъ описательныхъ поэмъ, милый, добродушный аббатъ, столько же славный у насъ какъ и въ отечествѣ своемъ, *Делиль*, прозванный при жизни Французскимъ *Виргилиемъ* — вмѣщалъ въ свои стихотворенія множество чужихъ стиховъ, цѣликомъ, а иногда придавая имъ новый оборотъ. Особенно въ старости своей, онъ часто устранивалъ свои сочиненія изъ чужаго добра. Всего разительнѣе это въ его поэмѣ: «О Восбращеніи», гдѣ онъ безъ совѣсти заимствовалъ много изъ *Доратовой* поэмы «О Декламациі».

Если такъ поступали люди съ неоспоримымъ даромъ писать хорошіе стихи, то можно ли удивляться, когда большая часть только и дѣлала, что подражали другимъ, или помогали себѣ явными и тайными заимствованіями? Примѣры этого видны и въ нашей литературѣ, которая была сколкомъ,

эхомъ Французской литературы, даже во
всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ. Вспоми-
ная о ней, невольно повторяете извѣстные
стихи:

Литература наша — сѣтка
На ловлю иноморскихъ рыбъ!
Чужихъ яиць она насѣдка,
То ранній плодъ, то поздній грибъ;
Чужой хандры, чужаго смѣха,
Всеповторяющее эхо!

Да! да!.... именно такъ, но не въ направ-
леніи только, не въ однихъ ощущеніяхъ
подражали мы чужеземцамъ, а и въ мате-
ріальномъ хищеніи мыслей и выраженій.
Не только старинные наши писатели, на-
примѣръ *Княжнинъ*, весь сшитый изъ
чужеземныхъ лоскутьевъ, но и новые пи-
сатели явно брали чужое и выдавали его
за свое. Изящный, замѣчательный глубо-
кимъ чувствомъ *Озеровъ*, почти буквально
перевелъ цѣлыя явленія изъ *Дюссиса*, вста-
вилъ ихъ въ своего *Эдипа въ Афинахъ*, и
выдавалъ за свое произведеніе. Всѣ видѣ-
ли хищеніе, потому что знали Француз-
скую литературу наизусть, и никто не сму-
щался. Другіе, даже славнѣйшіе наши пи-
сатели — дѣлали то же, и никто не обли-
чалъ ихъ въ хищеніи, видно, почитая это
дѣломъ обыкновеннымъ, думая, что иначе
и быть не должно. Любопытно сколько вы-
летитъ чужихъ перьевъ даже изъ сосре-

менныхъ намъ знаменитостей, когда безпристрастная исторія пракснется къ нимъ! Много будетъ забавнаго и даже смѣшнаго.

Но все это дѣлалось, какъ мы сказали, простодушно, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, если не причислать къ нимъ мелочнаго самолюбія прослыть авторомъ. Въ наше время, напротивъ, хищенія происходятъ совсѣмъ отъ другой причины — отъ корыстолюбія. Изъ словъ Г. Керара, и еще больше изъ самыхъ событій, можно видѣть, что жадность къ деньгамъ, желаніе получить какъ можно больше дохода отъ своего дарованія, заставляютъ Французскихъ литераторовъ торговать своимъ именемъ, пускаться въ безстыдныя спекуляціи своею извѣстностью, и нагло обманывать публику, не страшась ни суда, ни обличенія. Въ этомъ оказываются виновными самые славные литераторы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Жюль-Жаненъ, признанный первымъ остроумцемъ въ Европѣ, не презираетъ никакими спекуляціями даже теперь, покоясь на лаврахъ и получая огромную плату за свой еженедѣльный фельетонъ въ *Journal des Débats*. Но прежде, онъ съ совершеннымъ безстыдствомъ мѣнялъ свои мнѣнія, торговалъ своими насмѣшками и своимъ именемъ. Не появлялся ни одной программы новаго журнала, сборника, словаря, гдѣ имя *Жанена* не было бы изъ

первыхъ, хотя обыкновенно онъ ничего не писалъ въ этихъ изданіяхъ, а только довольствовался взяткою за помѣщеніе своего имени въ объявленіи. Теперь уже извѣстно, что этого остроумца *недоста-
етъ* на книгу: мыслей, слога, даже тер-
пѣнія хвата-тъ у него только на журналь-
ную статейку.

Правда, при началѣ своего поприща онъ издалъ нѣсколько книгъ. Но какъ были онѣ составлены? «*Барнавъ*», нелѣпый романъ его, гдѣ нѣтъ ни складу, ни ладу, написанъ при пособіи нѣсколькихъ лицъ. Это обли-
тилъ *Феликсъ Пил*, поспорившій съ *Жа-
неномъ*. «А, бѣдный критикъ!» восклицаетъ онъ. «Вы обвиняете *Ж. Шенье* въ займ-
ствованіяхъ у *Вольтера*? А если бы
«поанатомировать ваши рапсодіи, пораспо-
«ротъ ваши лохмотья, произведенія временъ
«вашей юности, разобрать, напимѣръ
«вашъ толстый исторической романъ—что
«останется у васъ, у васъ, который нахо-
«дитъ, что другіе переписываютъ чужое?
«Вы хуже чѣмъ переписываете: вы копи-
«раетесь; вы брали у всѣхъ въ свою кни-
«гу: у *Барбье* стихи, у *Кине* прозу, у *Бе-
«кѣ* знаменитое предисловіе, и, вѣрно,
«изъ признательности, сдѣлали *Бекѣ* смѣ-
«шнымъ, сравнивъ его съ *Мирабо*; да и у
«кого вы не брали! Много ли же оста-
«нется не чужаго въ вашихъ дѣтяхъ столь-
«кихъ отцовъ, и въ этомъ разноклиномъ

«произведеніи, похожемъ на вашу совѣсть?» В послѣдствіи, **Феликсъ Пиа** пояснилъ эти общіе намеки, и прямо сказалъ, что предисловіе къ «Барнаву» писалъ Бекѣ. Оно было направлено противъ Орлеанскаго Дома; но, стараясь потомъ примириться съ этимъ Домомъ, занимавшимъ Французскій престолъ, **Жаненъ** рассыпался лестью передъ нимъ въ двухъ сочиненіяхъ: «Voyage à Fontainebleau» и въ «L'Almanach de Versailles». Всѣ страницы о **Мирабѣ** въ «Барнавѣ» написаны **А. Барбье**; замѣчательный эпизодъ: «les Filles de Séjan» принадлежитъ **Ф. Пиа**; другія мѣста написаны **Г. Бюреттомъ** и **Э. Канѣ**.

Но за эту сборную книгу, показывающую какъ торговалъ своимъ именемъ **Жаненъ**, онъ заслуживаетъ названіе только «мнимаго автора». Вскорѣ онъ сдѣлался совершеннымъ похитителемъ. Въ 1832 году была напечатана въ *Revue de Paris* и потомъ въ *Contes fantastiques de J. Janin*, романтическая исторія, подъ заглавіемъ: «Rosette, histoire du dix-huitième siècle». Что же оказалось? Что **Г. Жаненъ** только сократилъ эту сказку изъ старинной книжонки, напечатанной въ Гагѣ, въ 1745 году, подъ заглавіемъ: «Thémidore, ou mon histoire et celle de ma maîtresse». Эта книжонка принадлежала къ числу еоблазнительныхъ, грязныхъ романовъ, какіе любили въ прошедшемъ столѣтіи, и часто перепечаты-

валась. *Жаненъ* только поочистилъ ее отъ грязи, сократилъ — и выдалъ за свое сочиненіе!..... Не вѣроатно? Но вотъ нѣсколь-
ко строкъ, какихъ много приводитъ Г.
Кераръ:

Rosette, par. J. Janin. | *Thémidore*. La Haye,
1745. (par Godard-
d'Ancour).

«Elle a de l'esprit, du jugement, de l'imagination, des talents. Extérieur éveillé, démarche légère, bouche petite, grands yeux, belles dents, grâce sur tout le visage. Rosette entend au premier coup d'oeil, elle part à votre appel, et vous rend aussitôt votre déclaration. Voilà celle qui a fait mon bonheur».

«Elle a de l'esprit, du jugement, de l'imagination, et se plaît dans l'exercice de ses talents..... Extérieur éveillé, démarche légère, bouche petite, grands yeux, belles dents, grâce sur tout le visage. Voilà celle qui a fait mon bonheur. Thémidore entend au mieux le coup d'oeil, elle part à votre appel, et vous rend aussitôt votre déclaration».

И такъ, далѣе списана цѣлая книга!....
Всего забавнѣе, что, выдавая ее за собственное сочиненіе, *Жаненъ*, въ предисловіи, хвалится, что довольно удачно подражаетъ слогу осмнадцатаго столѣтія. «Je crois sans vanité, que j'attrape assez bien le style précieux». Мало этого: онъ увѣряетъ, что мысль къ сочиненію подалъ ему портретъ Розетты, купленный на публичномъ торгѣ,

гдѣ продавался онъ вмѣстѣ съ старою мебелью. Насмѣшники возразили ему: «Вы купили не портретъ, а исторію Розетты, и по праву купли рѣшились перепродать ее выгодно».

Въ 1834 году *Жакенъ* былъ осужденъ неправительною коллежіею заплатить 25 франковъ штрафа и 500 франковъ прото-рей и убытковъ журналу *l'Echo Britannique*, за то, что перепечаталъ изъ него, подъ своимъ именемъ, въ *Journal des Enfants*, статью: *Каспаръ Гаузеръ*. Даже типографическія ошибки одного журнала перешли и въ другой! *Жакенъ* прибавилъ къ этому только нѣсколько строкъ Предисловія.

Послѣ несчастной смерти молодого Герцога Орлеанскаго, въ 1842 году, явилась брошюра съ именемъ *Ж. Жанена*, подъ заглавіемъ: «*Le Prince Royal*». Тамъ оказалось страницъ пятьдесятъ, буквально перепечатанныхъ изъ *Journal des Débats*, и написанныхъ въ разные годы для этого журнала Г-нѣ *Кювелье-Флери*. Дѣло ограничилось одною протестаціею автора. Распри и суда не было; но это было новымъ доказательствомъ, какъ *Ж. Жаненъ* пишетъ свои книги. Теперь всѣ знаютъ, что *Жакенъ* можетъ назваться единственнымъ творцомъ только своихъ фельетоновъ и книгъ, изъ нихъ же составленныхъ. Всякая отдѣльная книга его — подозрительна.

Искусство составлять такимъ образомъ книги распространилось во Франціи чрезвычайно, и литераторы, заслужившіе извѣстность, пользуются новымъ искусствомъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Очень часто встрѣчаются въ газетахъ и брошюрахъ обличенія, что такая-то знаменитость выдала чужое произведеніе за свое, но поводомъ къ обличенію бываетъ какая нибудь личность, или неискусно задѣтыя права собственности; большею же частію такія продѣлки сходятъ съ рукъ безъ шума. Все-го чаще оказываются виновными въ похищеніи тѣ многопишущіе господа, которыхъ имена встрѣчаются и въ извѣстныхъ журналахъ, и на заглавіяхъ романовъ, исторій, путешествій, разныхъ сборниковъ. При большомъ запасѣ дерзости и безстыдства, имѣя способность и привычку писать легко, занимательно, эффектно, они берутъ къ себѣ чернорабочихъ писакъ, передѣлываютъ ихъ работы, или, иногда, отроюгъ старую, забытую книгу, поисправятъ, поурѣжутъ ее, кой-что прибавятъ къ ней отъ себя—и выдаютъ все это за свои сочиненія, потому что книгопродавцы платятъ имъ за имя, а не за существенное достоинство книги, которая быстро разлетается только тогда, когда авторъ ея уже заслужилъ извѣстность. Недавно въ Русскихъ журналахъ хвалили «Исторію Фламандской и Голландской живописи», сочи-

ненную Арсеномъ Гуссе, и «великолѣпно изданную со множествомъ рисунковъ». Но Арсенъ Гуссе составилъ текстъ своей книги изъ извѣстнаго сочиненія Декана (Descamps) о томъ же предметѣ, и изъ первыхъ трехъ томовъ сочиненія А. Макельса, изданнаго подъ тѣмъ же заглавиемъ, какое Гуссе далъ своей книгѣ, а гравюры къ его книгѣ оттиснуты съ старыхъ, избитыхъ, частію поправленныхъ досокъ Лебрёновой «Galerie des peintres flamands, hollandais et allemands». Объ этомъ возникла жаркая полемика, гдѣ Г. Арсенъ Гуссе отличился только личностями противъ своихъ обвинителей, но оправдаться немогъ. Слишкомъ явны были доказательства, что онъ выдалъ за новостъ старыя гравюры, а за свой трудъ выборку изъ чужихъ сочиненій.

Въ грѣхахъ, подобныхъ описаннымъ въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ, оказываются виновными даже нѣкоторые изъ самыхъ извѣстныхъ и даровитыхъ литераторовъ, и больше всѣхъ — Александръ Дюма. Онъ слѣмалъ литературу ремесломъ, фабрикою, дѣломъ подряда, поставки. Г. Кераръ называетъ Александра Дюма, l'Alexandre des conquérants en littérature, прибавляя въ другомъ мѣстѣ: Le nom de M. Alex. Dumas doit se trouver partout où il y a des peccadilles littéraires à signaler (имя

его встрѣчается вездѣ, гдѣ только можно указать на литературные грѣхи). Этотъ писатель издалъ подъ своимъ именемъ такое множество книгъ всякаго рода, напечаталъ столько статей во множествѣ журналовъ, что десяти жизней самого дѣятельнаго че овѣка не достало бы написать всю громаду, которую онъ называетъ *своими сочиненіями*. Да, литературныя способности этого писателя изумительны; но тѣмъ не меньше справедливо обвиняли его попеременно въ апокрифахъ, мнимыхъ сочиненіяхъ, похищеніяхъ и всяческихъ присвоеніяхъ чужихъ трудовъ. Мы видѣли, какъ ловко и дерзко оправдывался онъ въ этомъ; но, не смотря ни на какія оправданія, на немъ лежитъ тяжкое обвиненіе, что онъ унизилъ званіе литератора до степени ремесленника и торгаша. Г. Кераръ, дошедши по азбучному порядку до его имени, посвятилъ 170 страницъ мелкой печати разнымъ обвиненіямъ противъ него. Это цѣлая книга однихъ обвиненій, гдѣ открывается міръ грѣховъ и смелней литературныхъ! Соглашаемся съ тѣми Французскими критиками книги Г. Керара, которые упрекали его за излишество нападеній на *Дюма*, за этотъ сборъ всякихъ нападковъ, гдѣ даже помѣщенъ и знаменитѣйшій процессъ въ гражданскомъ судѣ, показавшій во всемъ блескѣ литературныя спекуляціи чловѣка, ненасытно торгую-

щаго и своимъ именемъ, и своимъ дарованіемъ, которому однакожъ нельзя не удивляться. Понимаемъ, что библиографическая совѣсть *Г. Керара* возмущается отъ такихъ дѣйствій, какими ознаменовалъ свое поприще *А. Дюма*, но тѣмъ не меньше авторъ особенно *налегъ* на него, и даже нарушилъ планъ своей книги, отдѣливъ въ ней столько страницъ многословнымъ и часто язвительнымъ обвиненіямъ. То же надобно было сказать короче, и не приводя оскорбительныхъ словъ, сказанныхъ врагами, въ ожесточеніи противъ человѣка необыкновеннаго. Дѣятельность и трудолюбіе его точно безпримѣрны. Вотъ нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ онъ употребляетъ свое время: «*Дюма* встаетъ въ шесть часовъ утра; передъ нимъ лежитъ тридцать пять листовъ бумаги самаго большаго формата; онъ беретъ перо, и принимается писать, пишетъ не останавливаясь, безъ помарокъ, до одиннадцати часовъ утра. Въ одиннадцать часовъ онъ завтракаетъ, и всегда въ многочисленномъ обществѣ: авторъ *Монте-Кристо*, самый гостепріимный изъ литераторовъ. За столомъ онъ ѣстъ очень исправно, и его живость, умъ, не отдыхаютъ при томъ ни секунды. Въ полдень онъ снова принимается за перо и оставляетъ его только въ шесть часовъ вечера *)». За

*) Не знаемъ, для чего бываетъ передъ *Алекс. Дюма* тридцать пять листовъ бумаги; но не-

обѣдомъ онъ бываетъ таковъ же, какъ и утромъ: такъ же свободенъ умомъ, веселъ, быстръ въ отвѣтахъ. Если, случайно, онъ не наполнилъ опредѣленнаго имъ себѣ числа листовъ, то, на минуту, облачко омрачаетъ его лицо; онъ ускользаетъ изъ комнаты, и возвращается черезъ два часа участвовать въ удовольствіяхъ вечера. Тутъ онъ обдумываетъ планы піесъ, драмъ, водевилей, комическихъ оперъ, и прочаго, и употребляетъ съ пользою даже эти часы. Въ году триста шестьдесятъ пять дней, и мы рассказали триста пятьдесятъ дней жизни знаменитаго романиста. У *А. Дюма* только одинъ сотрудникъ: *Г. Огюстъ Маке*. Онъ сроднился съ обычаями своего знаменитаго руководителя: также работаетъ, безъ остановокъ. Никакая строчка одного не является въ публику не пересмотрѣнная другимъ. Эти два литературные брата дополняютъ другъ друга, возбуждаютъ, одушевляютъ къ труду одинъ другаго, и пріятно слышать, какъ они отдають справедливость другъ другу. *Дюма* знаетъ цѣну умнаго содѣйствія своего молодаго сотрудника; *Маке* отдаетъ хвалу, какою обязанъ всякій не-

писать ихъ въ одиннадцать часовъ физически невозможно. Развѣ *А. Дюма* пишетъ какъ покойный *Сергій Николаевичъ Глинка*, у котораго выходило иногда строкъ по пяти на страницѣ—тогда онъ можетъ написать тридцать пять листовъ въ одиннадцать часовъ.

измѣримому дарованію храбраго его полководца. Намъ казалось не лишнимъ противопоставить этотъ справедливый рассказъ нѣкоторымъ глухимъ возгласамъ, впрочемъ не имѣющимъ вліянія на расположеніе публики».

Если этотъ *правдивый* рассказъ справедливъ только на половину, то А. Дюма уже достоинъ удивленія своимъ трудолюбіемъ. Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что нѣтъ народа лѣнивѣе литераторовъ. Только въ промежутки лѣни, развлеченій, въ немногіе часы занимаются они дѣломъ своего призванія. Еще въ недавнее время, человѣкъ, написавшій въ жизнь свою нѣсколько томовъ, почитался трудолюбивымъ, а *Вольтеръ*, во множество лѣтъ издавшій нѣсколько десятковъ томовъ, слылъ феноменомъ многописанія. Но что значитъ его трудолюбіе, его многописаніе передъ трудолюбіемъ и числомъ сочиненій А. Дюма? Если бы этотъ человѣкъ не писалъ самъ ничего, а только пересматривалъ чужія рукописи, изданныя и издаваемые подъ его именемъ, то дѣятельность его была бы уже изумительна; но кромѣ того, что онъ пересматриваетъ и передѣлываетъ чужія, или, говоря фабричнымъ языкомъ, *сырья* произведенія, онъ и пишетъ самъ очень много. Это доказываютъ многія его драматическія произведенія, многіе романы, случайныя сочиненія, ознаменованныя однимъ

духомъ, однимъ взглядомъ и слогомъ, ему свойственнымъ. Да, мы согласны, что въ дѣятельности, въ трудолюбіи, онъ не имѣетъ и едва ли когда нибудь будетъ имѣть соперника. Писатель не паровая машина, подъ которою стоитъ только развести огонь, и она начинаетъ работать. Писателю, для каждаго его труда, необходимы многія предварительныя изученія, обдумыванія, соображенія. Когда же занимается всѣмъ этимъ *Дюма*, если онъ пишетъ съ утра до вечера не откладывая пера? Предполагая въ немъ самое пламенное воображеніе, самую неутомимую способность къ изысканіямъ и соображеніямъ, къ литературной работѣ всякаго рода, мы должны согласиться и съ порицателями его, что онъ пользовался и пользуется чужими трудами для большей части сочиненій, издаваемыхъ отъ его имени. Можно сказать, что имя его только фирма фабрики, гдѣ точно *А. Дюма* главный двигатель и распорядитель; но онъ не паровая машина скорописанія. Такъ должно быть по самымъ естественнымъ предположеніямъ, такъ оказывается изъ всѣхъ обвиненій противъ него, и даже изъ собственныхъ его оправданій, подвергнутыхъ безпристрастнымъ изслѣдованіямъ критики.

Вотъ какъ онъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ. Многія сочиненія *Дюма* имѣли громкій и блестящій успѣхъ (котораго они

не заслуживали, ибо онъ не создалъ ничего гениальнаго). Когда они стали необходимою приманкою въ фельетонахъ газетъ и въ изданіяхъ, рассчитанныхъ на легковѣріе и жадность публики, онъ не могъ удовлетворять всѣхъ требованій на свои сочиненія, но не хотѣлъ отказаться и отъ огромныхъ денежныхъ выгодъ за нихъ; онъ, постепенно подобралъ себѣ дѣльныхъ помощниковъ. Они готовятъ ему матеріалы, а иногда и пишутъ вмѣсто него; они роются въ старыхъ книгахъ, собираютъ нужныя историческія и другія свѣдѣнія, работаютъ на заданную имъ тему, а онъ пересматриваетъ ихъ рукописи и занимается только окончательною отдѣлкою. Пылкое, цвѣтистое воображеніе, способность и искусство писать, чрезвычайнаго пособляютъ ему, служатъ основою всѣхъ его работъ, но наконецъ — много помогаетъ ему и навыкъ, и дерзость, съ какою пользуется онъ всѣмъ, что можетъ ускорять его работы. Напримеръ: *Дюма*, въ разговорѣ, на представленіи какой нибудь пьесы, при чтеніи какой нибудь книги, схватываетъ мысль, событіе, случай, образуетъ изъ него въ головѣ своей цѣлое созданіе, и раздаетъ предварительныя работы своимъ сотрудникамъ. Такъ въ исторіи Генриха II встрѣтилъ онъ, что у *Діаны Пуатъе* была дочь, *Діана де Кастрѣ*, которую *Генрихъ* при-

зналъ своею дочерью. Въ воображеніи Дюма тотчасъ составила идея романа: *Девъ Діаны*. Одна — идеаль разврата, другая — идеаль чистоты. Обстановка къ этому превосходная: рыцарскій, феодальный дворъ, яркіе, цвѣтистые нравы разныхъ сословій, Англичане, изгоняемые изъ Франціи наѣздническою храбростію Французовъ, оригинальные характеры, столь общіе въ тѣ времена — и вотъ уже цѣлая обширная картина для самаго обыкновеннаго воображенія, а тѣмъ больше для воображенія Дюма, пламеннаго, быстраго въ изобрѣтеніи. Составивъ планъ, онъ поручаетъ одному собрать историческія и археологическія справки, другому написать эпизоды, третьему заняться общимъ изложеніемъ; иногда поручается все это одному, смотря по сюжету; иногда берется все изъ какой нибудь старой или малоизвѣстной книги. Къ тому же, онъ никогда не заботится объ единствѣ завязки: онъ рисуетъ отдѣльныя картины, старается поражать читателя нечаянностями, поддерживаетъ вниманіе его крайностями въ положеніи своихъ героевъ, и привыкнувъ писать для фельетоновъ, представляетъ въ концѣ почти каждаго неразвязанный узелъ. Все это перемѣшивается съ эпизодами, которые иногда больше главнаго событія, и все такъ явно составлено изъ отдѣльныхъ частей, что въ любомъ романѣ его можно

прибавить, отрѣзать нѣкоторыя части, и сущность отъ этого не измѣнится. Здѣсь причина *безконечныхъ* его романовъ: матеріаловъ для каждаго столько, что онъ по волѣ продолжаетъ или прекращаетъ разсказъ, начиная новый романъ на ту же тему. «Три Мухометера» растянулись на восемь томовъ: изъ благопристойности надобно было окончить ихъ, и начать на ту же тему новый романъ въ 8 томахъ: «Двадцать лѣтъ спустя». Таково свойство почти всѣхъ романовъ *Дюма*: по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, доставляемыхъ сотрудниками, онъ продолжаетъ ихъ, увеличиваетъ до крайней возможности, и если остаются матеріалы, онъ начинаетъ изъ нихъ новый романъ. Кажется, его «Записки врача» не будутъ имѣть конца, и подраздѣлятся на безчисленные отдѣлы. Одно это обстоятельство уже показываетъ, что *Дюма* не сочиняетъ, а *фабрикуетъ* свои романы. Нельзя отрицать только того, что онъ одушевляетъ и двигаетъ подвластныхъ ему сотрудниковъ, онъ изобрѣтаетъ, онъ задаетъ имъ работы, которыя потомъ связываетъ и приводитъ въ порядокъ. Трудъ тягостный, требующій необыкновенныхъ умственныхъ способностей, и большого искусства! Иначе всякой писака игралъ бы роль *Дюма* и получалъ бы такіе же какъ онъ доходы. Въ самомъ дѣлѣ, почему другіе не пишутъ *такъ и столько*,

какъ *Дюма*? Почему не сыщется другой, кто написалъ бы «*Монте-Кристо*», «*Записки врача*», «*Исторію Людовика XIII*». Если это легко, какъ говорятъ его порицатели, то почему не воспользуются они сотнями тысячъ франковъ, которые получаетъ за свои работы *А. Дюма*? Неужели безкорыстіе, цѣломудріе мѣшаютъ имъ продавать себя на съѣденіе критикамъ?..... Отнюдь нѣтъ! Они не имѣютъ способностей *Дюма*, и только потому не открываютъ, какъ онъ, фабрики литературныхъ произведеній. И собственныя ихъ сочиненія нейдутъ съ рукъ; куда же дѣлись бы они съ фабричными произведеніями?

Дюма заслуживаетъ порицаніе за то, что прекрасное дарованіе свое онъ сдѣлалъ предметомъ торга, товаромъ, и наконецъ унизился до самыхъ безстыдныхъ похищеній чужаго труда, чужой собственности. Когда не достаетъ приготовительныхъ работъ его сотрудниковъ, когда представляется случай сбыть чужое произведеніе за свое — онъ не щадитъ своего достоинства, достоинства челоуѣка и писателя, и нагло продаетъ завоеванія свои, какъ называетъ онъ — краденое, какъ говоритъ здравый смыслъ. Онъ усовершенствовался въ этомъ постепенно. Сначала перепродавалъ онъ одно и то же сочиненіе свое нѣсколько разъ. Напримѣръ, еще въ 1826 году издалъ онъ: «Три современныхъ по-

вѣсти», гдѣ были помѣщены: «Лоретта, Бланшъ де Больё, Марія». Въ 1835 году издалъ онъ «Воспоминанія Антони», гдѣ помѣстилъ двѣ первыя, и также «Le cocher de cabriolet», уже напечатанную имъ въ «Книгѣ Ста одного». Послѣ, издавая свою «La Dame de Monsoreau», онъ помѣстилъ Бланшъ де Больё и Le cocher de cabriolet въ концѣ VIII тома романа, который оказывался тоненекъ! Нѣкоторые повѣсти вставлялъ и перепродавалъ онъ такимъ образомъ по два, по три раза. Потомъ онъ сталъ пользоваться трудами помощниковъ и выдавать ихъ за свои. Во время соблазнительнаго процесса въ гражданскомъ судѣ, гдѣ обличали его, что онъ не исполнялъ и вообще неисправно исполнялъ контракты съ тѣми, кому запродавалъ свои сочиненія, *Дюма* согласился между прочимъ, что у него есть одинъ сотрудникъ, *Г. Маке*. Но почему же онъ выдаетъ труды Г-на *Маке* за свои? Почему не выставлено ни на одномъ изъ его сочиненій имя *Маке*? Когда онъ продаетъ и отдаетъ свою рукопись издателю и публикѣ, то говоритъ: «Вотъ вамъ мое сочиненіе», а оказывается, что онъ только участникъ въ немъ, или просто поставилъ свое имя на чужомъ сочиненіи. Трудолюбивые недруги Г-на *Дюма* дознались, что, напримѣръ, «Три Мушкетера», и «Двадцать лѣтъ спустя» сочинены Г-мъ *Маке* вполнѣ. Г. *Дюма* иногда

лѣнился или не успѣвалъ пересматривать доставляемыхъ ему для фельетона ключковъ этихъ романовъ, и отъ этого случился забавный анекдотъ. Г. *Маке*, безъ всякаго злаго намѣренія противъ своего «полководца» и благопріятеля, въ кругу искреннихъ друзей (ужь эти мнѣ друзья, друзья!) увѣрялъ, что онъ сочинитель означенныхъ выше романовъ, и что *Дюма* даже не пересматриваетъ ихъ. Ему не хотѣли вѣрить. Разсерженный *Маке* взялъ листъ бумаги, написалъ на немъ нелѣпую, нескладную фразу, потомъ цѣлый періодъ въ нѣсколько строкъ, гдѣ *шестнадцать* разъ повторено слово *que* (это отчаяніе французскихъ литераторовъ), которое каждый писатель исключаетъ, гдѣ только можно. *Маке* побился объ закладъ, что эти бессмысленныя, нелѣпыя строки будутъ напечатаны въ фельетонѣ безъ помарокъ, тогда какъ если бы *Дюма* пересматривалъ его сочиненіе, то, вѣрно, не оставилъ бы шестнадцати *que* и подобныхъ ученическихъ ошибокъ. Друзья спорили, что *Дюма* исправитъ ошибки, и выключитъ девять, шесть, или хоть три *que*, и приведетъ въ порядокъ и гармонію весь періодъ. Что же? Вышелъ листокъ газеты съ ожидаемымъ фельетономъ, и въ немъ зіяла цѣликомъ образцовая нелѣпость, нарочно составленная Г-мъ *Маке*! *Дюма* не поправилъ въ ней ни одной буквы.... Дру-

гое доказательство, что онъ не пересматриваетъ доставляемыхъ ему сотрудниками рукописей, находится въ романѣ «Амори», сочиненномъ Г-мъ *Поль Морисомъ*, и выданномъ Г-мъ *Дюма* за собственное свое произведеніе. Г. *Морисъ*, писавши этотъ романъ, упомянулъ кстати о современныхъ литераторахъ, достойныхъ быть членами Академіи, и въ числѣ ихъ назвалъ *Александра Дюма*. Это была пріятельская, ученическая лестъ учителю и покровителю, написанная въ надеждѣ, что тотъ, перечитывая рукопись, вычеркнетъ ее, а при случаѣ самъ отслужитъ за доброе мнѣніе любезному льстецу. Но явился фельетонъ — и въ немъ осталась вся лестъ Г-ну *Дюма*! Между тѣмъ, подъ каждымъ фельетономъ печатается четко: *A. Dumas*. И такъ вышло, что самъ *А. Дюма* хвалитъ себя и рекомендуетъ славу свою для почестей академическихъ!..... Собрано множество подобныхъ явныхъ, осязаемыхъ, неоспоримыхъ доказательствъ, что *Дюма* выдаетъ чужія сочиненія за свои, иногда и не заглядывая въ нихъ. Нельзя отрицать и того, что не одинъ Г. *Маке*, а цѣлая толпа безвѣстныхъ, но способныхъ сотрудниковъ, помогаетъ ему, а иногда и вполне пишетъ вмѣсто него. Книги, издаваемые подъ его именемъ — произведенія небывалой до нашего времени литературной фабрики, а Г. *Дюма* толь-

ко поставщикъ чужихъ трудовъ, гдѣ иногда бываетъ онъ изобрѣтателемъ плана, со-
вѣтникомъ, поправщикомъ, пополняетъ,
исправляетъ, иногда пишетъ и самъ нѣ-
которыя части, но главное—надписываетъ
свое имя на книгѣ, и выдаетъ ее за свою!
Сотрудники его молчатъ за достаточное
вознагражденіе, но иногда невольно про-
говариваются, невольно пробалтываются,
и правда выходитъ наружу, а критика впи-
сываетъ это въ свою лѣтопись, и указы-
ваетъ Г. *Дюма* настоящее его мѣсто.

—Г. *Кераръ* справедливо замѣтилъ, что
нѣтъ литературнаго грѣха, который не
тяготѣлъ бы на совѣсти А. *Дюма*. Сна-
чала онъ перепродавалъ свои старыя со-
чиненія за новыя; потомъ сталъ выдавать
труды своихъ помощниковъ за свои соб-
ственные, привлекая къ нимъ публику сво-
имъ именемъ; наконецъ онъ, просто, бралъ
чужія сочиненія, и безъ согласія авторовъ
издавалъ за свои, пустился въ громадныя
авторскія спекуляціи, и чуть не погубилъ
своей блестящей извѣстности, довѣрія пу-
блики и добраго мнѣнія самыхъ привер-
женцевъ своихъ.

Въ его романѣ: *le Capitaine Aréna* (1842,
2 vol.) помѣщена цѣлая повѣсть «*Térence
le Tailleur*,» слово въ слово перепечатан-
ная изъ *Revue Britannique*. Оттуда же
взята буквально половина романа: *Aventu-
res de John Davy*.

«Alpine» переведена съ Нѣмецкаго, и издана съ именемъ Г-на *Дюма*.

Въ 1839 году была издана книга: Jacques Ortis; par, *A. Dumas*. Онъ до такой степени не уважалъ публики, что даже не упомянулъ въ заглавіи объ имени извѣстнаго автора этой книги, *Уго Фосколо*, издававшего ее еще въ 1802 году, подъ заглавіемъ: *Ultime Lettere di Jacopo Ortis*. Книга эта была переведена на Французскій не одинъ разъ, и мнимое сочиненіе Г. *Дюма* есть только перепечатка перевода *Госселена!*.....

Знаменитыя *Impressions de voyage* — сборъ всякой всячины, гдѣ Г. *Дюма* безъ всякой совѣсти вмѣшалъ чужія сочиненія, не упоминая о томъ. Для Русскихъ читателей можемъ мы представить самый разительный примѣръ этого. Не угодно ли заглянуть въ «Вѣстникъ Европы» 1809 года, издававшійся тогда В. А. Жуковскимъ. Тамъ — не помнимъ въ какой книжкѣ — напечатана, переведенная изъ современнаго Французскаго журнала, статья, гдѣ описываются приключенія застѣнчиваго чело-вѣка. Эту же самую статью, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, можете вы прочитать у Г. *Дюма*, подъ заглавіемъ: «*Histoire de l'Anglois qui avait pris un mot pour un autre*». *Дюма* увѣряетъ, что встрѣтился съ молодымъ Англичаниномъ, который разсказалъ ему исторію своихъ «неловкостей!» Воля ваша, если можно такъ выда-

вать за свое старыя рассказы, напечатанные сорокъ лѣтъ назадъ — то всякій писарь будетъ авторомъ и поэтомъ, перенимая старыя, забытыя сочиненія, и издавая ихъ подъ новыми заглавіями, отъ своего имени. Сорокъ лѣтъ назадъ Жуковскій переводилъ изъ *Mercur de France* то, что Г. Дюма выдастъ европейской публикѣ за свое сочиненіе!

Почти такъ же сочинялъ онъ свои историческія книги. Ему надобно только, чтобы была книга, съ именемъ А. Дюма — а книгопродавцы заплатятъ за все подъ этою фирмою. Одна изъ первыхъ его историческихъ книгъ: «*Gaule et France*,» составлена изъ третьяго тома *Шатобриановыхъ* «*Etudes historiques*,» и изъ «*Lettres sur l'histoire de France*,» Тьерри. Это доказано въ книгѣ Г. Керара текстами изъ всѣхъ трехъ сочиненій!..... Почти такъ стряпалъ Г. Дюма и другія свои историческія сочиненія, не говоря уже о работахъ сотрудниковъ, которыя всѣ шли за собственные его труды. Наконецъ, во время соблазнительнаго процесса въ гражданскомъ судѣ, онъ свободно и непринужденно объяснялъ свои литературныя спекуляціи, и такъ искренно разсуждалъ о числѣ строчекъ и кончиковъ строчекъ, продаваемыхъ имъ, что для всѣхъ сдѣлалось явно, какъ онъ глядитъ на литературу! Это дойная корова, это торговая лавка,

это подрядъ, поставка, при чемъ онъ позволяетъ себѣ самыя унижительныя, безстыдные обороты!

И между тѣмъ, А. Дюма человѣкъ съ необыкновеннымъ, рѣдкимъ дарованіемъ!.....

Въ заключеніе нашихъ словъ о немъ, приведемъ нѣсколько статистическихъ чиселъ, извлекаемыхъ изъ книги Г. Керара.

Въ сочиненіяхъ Г. Дюма, изданныхъ до 1848 года, открыто *семидесятъ три сотрудника* — изъ которыхъ наименовалъ онъ, и то передъ судомъ, одного Г. Маке; а между тѣмъ ни на одномъ изъ его сочиненій, ни въ одномъ изъ предисловій къ нимъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека о сотрудничествѣ и заимствованіяхъ: все издается за его собственныя сочиненія. Имена 73 сотрудниковъ означены Г-мъ Кераромъ, съ указаніемъ, что кому изъ нихъ принадлежитъ въ сочиненіяхъ Дюма. А сколько еще такихъ заимствованій и именъ, которыхъ не открывала критика!

Сочиненія Дюма составляютъ огромное число томовъ, такъ что даже трудно опредѣлительно означить цифру ихъ. Изданныя до 1848 года, въ Парижскихъ изданіяхъ, стоили 1,687 франковъ! Г. Кераръ справедливо замѣчаетъ, что за такую сумму можно купить почти всѣ лучшія произведенія Французской литературы.

Въ разнообразіи и многочисленности литературныхъ подлоговъ не сравнится съ

Г. Дюма никто; но есть молодцы, которые перешеголяли его въ безстыдствѣ и наглости похищеній.

Въ 1834 и 1835 году были изданы въ Парижѣ: *Souvenirs de la marquise de Créquy*, въ 7 томахъ. Авторомъ ихъ оказался нѣкто Графъ *Куршанъ* (*comte de Courchamps*), старичекъ, свѣтскій человѣкъ, говорунъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, и порядочный писатель, какъ доказываютъ сами «Воспоминанія маркизы де Креки». Правда, въ нихъ замѣчали много невѣрностей, неисправностей, даже заимствованій изъ другихъ книгъ — но всѣ знали тогда, что записки извѣстныхъ людей почти всѣ подложныя, и «Воспоминанія» имѣли успѣхъ. Это дало Графу *Куршану*, незаслуженную славу, и онъ воспользовался ею столько же безстыдно, сколько неудачно. Въ 1841 году онъ предложилъ журналу *la Presse* «Записки *Калиостро*» извѣстнаго шарлатана, но человѣка любопытнаго по многимъ обстоятельствамъ его жизни. Графъ *Куршанъ* увѣрилъ издателей *la Presse*, что у него есть подлинныя рукописи *Калиостро*, писанныя по Италіянски, и доставилъ въ видѣ перевода изъ нихъ двѣ отдѣльныя статьи, чрезвычайно интересныя, проникнутыя поэзіею и какимъ-то оригинальнымъ умомъ. Первая изъ нихъ называлась: *le Val funeste*, другая: *Histoire de don Benito d'Almusalenar*. Черезъ нѣсколько дней явились въ

другомъ журналѣ, le National, доказатель-
ства, что эти мнимыя «Записки Калиост-
ро» — буквальная перепечатка изъ рѣдкой
книжки Графа *Потоцкаго*, первоначально на-
печатанной въ Петербургѣ, въ 1804 году,
подъ заглавіемъ: Manuscrit trouvé à Sara-
gosse. Графъ *Курианъ* сталъ безстыдно
опровергать это обвиненіе; завязалась жар-
кая полемика, и молодца вывели на свѣ-
жую воду! Дѣло окончилось въ судѣ, гдѣ
Графъ *Курианъ* избавился отъ поноснаго
наказанія за обманъ журнала la Presse —
параличемъ, который случился съ нимъ
въ это время. Во время полемики откры-
лось, что изъ той же книжки Графа *Потоц-
каго*, Г. *Курианъ* перенесъ цѣлые эпизо-
ды въ свои «Воспоминанія маркизы де
Креки».

Что жъ за золотой рудникъ эта книжка
Графа *Потоцкаго*?

Она составляетъ нынѣ рѣдкость библи-
ографическую, потому что была напеча-
тана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ,
не поступала въ продажу, и Графъ дарилъ
ее только искреннимъ своимъ пріятелямъ.
Мы имѣли случай читать ее, лѣтъ двад-
цать назадъ, въ Москвѣ, и помнимъ даже
странную наружность ея. Это книжка въ
большую четвертку, напечатанная на про-
стой бумагѣ, крупными буквами, безъ на-
чала и конца: такова была фантазія Графа
Потоцкаго. Къ типографическимъ особен-

ностямъ ея принадлежить еще то, что страницы означены въ ней не сверху, а снизу. Лѣтъ черезъ десять послѣ напечатанія въ Петербургѣ, она была перепечатана въ Парижѣ, въ двухъ книгахъ, подъ заглавіями: *Avadoro, histoire espagnole, par M. L. C. J. P.* (1813, 4 vol. in-12), и *Six journées de la vie d'Alphonse Van Worden* (1814, 3 vol. in-12). Но любопытнѣе всего содержаніе этой книги, составляющей только часть всего манускрипта Графа *Потоцкаго*, который описывалъ въ немъ приключенія одного Испанскаго дворянина мавританскаго происхожденія, и по мнѣнію знатоковъ, читавшихъ сочиненіе его вполнѣ, создалъ романъ, достойный стать на ряду съ *Жилблazoмъ* и *Донъ-Кихотомъ*. Таково было мнѣніе *Пушкина*, и другаго поэта, земляка Графа *Потоцкаго*. Мы съ своей стороны можемъ прибавить, что «*Manuscrit trouvé à Saragosse*,» отличается занимательностью вымысла, и яркими, поэтическими красками, особливо въ живописи Испанцевъ, Мавровъ, Италіянцевъ, и бродячихъ Цыганъ. Жаль, что это превосходное произведеніе такъ мало извѣстно. Графъ *Потоцкій* былъ человекъ необыкновенный, поэтъ въ жизни своей и въ сочиненіяхъ; при томъ онъ былъ перво-классный ученый, но не искалъ извѣстности, а какъ будто избѣгалъ ея. Онъ умеръ въ 1816 году. Въ 1829 году, *Ю. Клан-*

romъ издалъ сочиненіе его: «Voyage dans les steppes d'Astracan et du Caucase, histoire primitive des peuples qui ont habité antérieurement ces contrées; nouveau périple du Pont-Euxin, avec des notes et des tables par M. J. Klaproth. (Paris, 2 vol. in 8). Одно это сочиненіе показываетъ изумительныя свѣдѣнія Графа *Потоцкаго*, который, кромѣ того, извѣстенъ своими изысканіями о древнихъ народахъ. *Карамзинъ* справедливо ссылается на него какъ на твердый авторитетъ. Въ означенномъ изданіи *Клапрота* помѣщено любопытное извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Графа *Потоцкаго*.

Почти совѣстно сравнить, даже съ графомъ *Курианомъ*, другаго литературнаго промышленника, величающаго себя докторомъ *Жиродо де Сенъ-Жерве*, когда онъ просто *Жиродо*, изъ Сенъ-Жерве. Этотъ безстыдный спекулантъ, вѣрно, извѣстенъ всѣмъ заглядывающимъ въ объявленія французскихъ газетъ, гдѣ много лѣтъ сряду объявляется о разныхъ его брошюркахъ, научающихъ исцѣленію отъ секретныхъ болѣзней. Эти брошюрки, въ листъ, въ два листа печатныхъ, можетъ быть, единственныя сочиненія знаменитаго доктора-шарлатана. Но, кромѣ ихъ, онъ издалъ еще нѣсколько чужихъ сочиненій подъ своимъ именемъ. Таково, напримѣръ: *L'Italie, la Sicile, Malte, la Grèce, l'Archipel, les Iles Ioniennes et la Turquie; Souvenirs*

de voyages historiques et anecdotiques. 1835. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ ни строчки доктора *Жиродо*. Онъ никогда не бывалъ въ описываемыхъ имъ странахъ, а нанялъ общаго работника многихъ литературныхъ шарлатановъ, *Жюліа Фонтенелль*, который писалъ про все и для всѣхъ: онъ скропалъ и доктору *Жиродо* его «Путешествіе». Во множествѣ брошюрокъ своихъ о разныхъ болѣзняхъ, докторъ берется исцѣлять чуть не отъ смерти, и особенно рекомендуетъ какой-то робъ своего изобрѣтенія. Чтобы придать больше извѣстности этому робу, онъ нанялъ даровитаго *Бартелеми* написать поэму: *La Syphilis*, а самъ придѣлалъ къ ней примѣчанія. Три пѣсни прекрасной поэмы занимаютъ 45 страницъ, а примѣчанія 128! Въ третьей пѣсни, особенно восхваляется робъ Г-на *Жиродо*, который въ примѣчаніяхъ провозглашаетъ его чудомъ. Это изданіе раздавалось даромъ всѣмъ жителямъ Парижа. Медики тамошніе получили его въ черномъ переплетѣ съ серебряными оттисками, гдѣ между прочимъ, блистали семь мертвыхъ головъ и сова!..... Поэтъ съ дарованіемъ, переводчикъ *Виргилія*, *Бартелеми* не постыдился участвовать въ такомъ грязномъ предпріятіи! Другіе извѣстные литераторы составили біографію доктора-шарлатана, которая явилась въ *Encyclopédie biographique*, а отдѣльно *вбрасывалась въ двери ка-*

ждаго дома, съ портретомъ почтеннаго изобрѣтателя роба. Въ то же время біографія его, сочиненная другими, была напечатана въ *Biographie des hommes du jour*, редакторами которой извѣстные *Саррю* и *Сентъ-Эдмъ*. Непостижимо униженіе литераторства во Франціи!..... Какъ могутъ люди, сколько нибудь уважающіе свое имя, сближаться съ такимъ человѣкомъ, какъ *Жиродо* изъ Сентъ-Жерве! Какъ могутъ они писать о немъ, хвалить его!..... Что за докторъ и что за пройдоха этотъ *Жиродо*, показываютъ сами біографическія извѣстія о немъ. Онъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ, нѣсколько разъ перемѣнялъ свое имя, имѣлъ тяжбу съ одною гадкою женщиною, которая, много лѣтъ живши съ нимъ въ большой дружбѣ, издала потомъ: «Записки повивальной бабушки», гдѣ описала его со всею злобою грубой женщины; онъ опять помирился съ нею, и участвовалъ во многихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, между прочимъ съ какимъ-то изобрѣвателемъ ружей *Fusils-Robert*, съ Г-мъ *Ансло* въ содержаніи Театра - Водевильей, издавалъ книги, былъ обличенъ, что выдастъ чужое за свое, и свое за сочиненіе какого-то доктора Гюмана изъ Страсбурга! Вотъ каковъ докторъ *Жиродо*! Не стоило бы и упоминать объ этомъ шарлатанѣ, являющемся во всѣхъ видахъ, если бы онъ не былъ

въ то же время самымъ наглымъ изъ всѣхъ литературныхъ шарлатановъ.

Вотъ нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ кражи или грабежа въ литературѣ — трудно рѣшить, которое изъ этихъ словъ вѣрнѣе выражаетъ дѣйствіе, называемое въ наше время литературнымъ завоеваніемъ.

Профессоръ Греческаго языка *Иланш*, извѣстный хорошимъ учебнымъ словаремъ Греческаго языка, издалъ подъ своимъ именемъ, въ 1818 году, Грамматику Греческаго языка. Но это былъ трудъ ученика его *Вандель-Гейля*. Между тѣмъ, съ именемъ *Иланша*, книга вошла въ употребленіе, и скромный *Вандель-Гейль* удовольствовался тѣмъ, что, при слѣдующихъ изданіяхъ, имя его было выставлено на заглавномъ листкѣ вмѣстѣ съ именемъ *Иланша*.

Ружмонъ, памятный намъ другими литературными подлогами, виновенъ и въ литературной кражѣ. Въ 1820 году онъ издалъ книгу: «*Raphaël d'Aguilar*», 2 тома. Оказалось, что это чистая перепечатка старинной книги: «*Histoire de don Ranucio d'Aletès. Venise. 1738*». Когда подлогъ открылся, *Ружмонъ* оправдывалъ себя тѣмъ, что выставилъ на заглавномъ листкѣ: «издана (publiée) *Ружмономъ*». — «Слѣдовательно, я не назвалъ себя авторомъ книги» — говорилъ онъ. Хитро!..... Но зачѣмъ же не упомянулъ онъ, что это ста-

ринная книга, только перепечатанная имъ, и предоставилъ читателю обманываться новымъ заглавіемъ и извѣстнымъ именемъ на забытой, вздорной книгѣ?

Въ 1828 году явилась книга: «*De l'Education des chevaux en France, etc. par M. le comte A. de Rochau*». Что жъ это за сочиненіе Графа *Рошо*?..... Перепечатка, слово въ слово, изданной въ 1802 году книги Г-на *Гюзара*: «*Instruction sur l'amélioration des chevaux en France*»!

Можно было бы привести еще много примѣровъ подобныхъ грабежей или кражъ, какъ называетъ ихъ Г. Кераръ, но мы боимся наскучить Русскимъ читателямъ неизвестными имъ именами, хотя они относятся къ событіямъ любопытнымъ. Къ тому же, самъ Г. Кераръ говоритъ, что литературные подлоги можно уподобить гранямъ на драгоценныхъ камняхъ: видимъ, что онѣ различны, но всѣ производятъ одинакое впечатлѣніе на органъ зрѣнія — обманываютъ его. Почти такъ совпадаютъ одинъ съ другимъ и литературные обманы. Мы видѣли апокрифы, видѣли мнимыхъ авторовъ, псевдонимовъ, жалѣли или негодовали при похищеніяхъ и кражахъ въ литературѣ; передъ нами еще новые литературные грѣхи, и виновныхъ въ нихъ Г. Кераръ называетъ *литературными обманщиками* (*les imposteurs en littérature*).

Первоначальною причиною было и тутъ невѣжество. Послѣ нѣкоторыхъ ученыхъ оставались иногда превосходные труды, вполне оконченные ими. Наслѣдники ихъ, не зная цѣны драгоцѣнныхъ изысканій и ученыхъ трудовъ, продавали за бездѣлицу огромныя кипы рукописей, радуясь, что платять хоть что нибудь за исписанную бумагу; а литературные обманщики выдавали потомъ чужой трудъ за собственныя сочиненія. Въ наше время это случается рѣдко, потому что всякой писака спѣшитъ печатать всякую свою строчку, и уже рѣдки люди, подобные ученымъ Бенедиктинцамъ и Портъ-Рояльскимъ отшельникамъ, трудившимся многіе годы надъ своими изслѣдованіями, и завѣщавшимъ ихъ потомству въ рукописяхъ. Но еще недавно былъ во Франціи примѣръ, что у одного букиниста, или торговца въ мелочной лавочкѣ, увидѣли драгоцѣнную рукопись сочиненія одного изъ отцовъ церкви, приготовленную къ печати какимъ-то Бенедиктинцемъ и пропавшую во время уничтоженія монастырей во Франціи. Мелочникъ, замѣтивъ, что у него съ особеннымъ усердіемъ торгуютъ вещь, которую онъ цѣнилъ въ нѣсколько копѣекъ, справился у свѣдущихъ людей о достоинствѣ рукописи, и продалъ ее потомъ за 1200 франковъ.

Таковыми-то трудами пользовались въ старину литературные обманщики, выдававшіе

себя за ученыхъ и пишущихъ людей. Мы видѣли примѣръ этого въ *О. Барри*, который укралъ у *Вольтера* двѣсти страницъ изъ его «Исторіи Карла XII-го» и выдалъ за свое сочиненіе «Исторію Маршала Фабера». Но если рѣдки такіе примѣры именно оттого, что мало случаевъ къ нимъ, то встрѣчаются другаго рода случаи къ литературнымъ обманамъ. Тутъ мы находимъ извѣстныя и даже знаменитыя литературныя имена.

«Исторія водворенія Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ,» имѣвшая громкую славу въ XVIII столѣтіи, но замѣчательная только анти-религіознымъ направленіемъ своимъ, была написана цѣлымъ обществомъ тогдашнихъ философовъ, а въ главѣ ихъ *Дидро* мн. Она была издана въ первый разъ какъ сочиненіе аббата *Рейналя*, и доставила ему почести, славу, когда и по сущности своей не заслуживала того, да аббатъ и участвовалъ въ ней меньше другихъ. Онъ только подвергалъ отвѣтственности свое имя за другихъ, и за то былъ вознагражденъ съ избыткомъ.

Встрѣчаются также примѣры самоотверженія, когда авторъ не хочетъ извѣстности и передаетъ ее другому, который и пользуется ею. Во Франціи были два брата *Гироды*: одинъ ловкій чиновникъ и впоследствии префектъ департамента *Котъ-д'Оръ*; другой—горбунъ, больной, чудакъ,

жившій въ глубокомъ уединеніи въ Парижѣ, но многосторонній ученый, неутомимый трудолюбецъ; онъ писалъ книги, и издавалъ ихъ подъ именемъ брата своего, который и пользовался славою ученаго литератора, хотя въ жизнь свою не написалъ ни строчки для печати. Другимъ примѣромъ такого самоотверженія служить «Исторія птицъ,» знаменитаго *Бюффона*, который самъ упоминаетъ, что писалъ ее не онъ, а *Г. Гено де Монбельяръ*. *Шарль Нодье* почитаетъ это лучшею частью въ сочиненіяхъ *Бюффона*, и прибавляетъ: «А между тѣмъ ни одинъ лучъ *Бюффоновой* славы не блеснетъ въ потомствѣ на имени *Монбельяра*. Les auteurs ont leurs destinées comme les livres! (Есть судьба и для авторовъ, какъ для книгъ).

Всѣ послѣдніе, приведенные нами примѣры, имѣютъ характеръ уступокъ, вольныхъ или полуневольныхъ, и обманъ состоитъ только въ томъ, что вмѣсто настоящихъ авторовъ, тутъ пользовались славою и всѣми ея выгодами подставныя имена. Къ числу такихъ же уступокъ *Г. Кераръ* причисляетъ множество сочиненій, издаваемыхъ въ наше время во Франціи подъ именами женщинъ. Суетность, всегдашній недостатокъ женщинъ, обращена тамъ на литературную извѣстность съ неслыханною прежде силою.

«Наши литературные аристократы и

блистательные профессоры, говорить строгій библиографъ, дарятъ милымъ имъ женщинамъ не булавки и перчатки, а рукописи романовъ, водевилей, стиховъ, учебныхъ книжонокъ, и милыя женщины въ восторгѣ, что могутъ пріобрѣсти вмѣстѣ съ деньгами и литературную извѣстность! Вотъ отчего легіонъ *синихъ чулковъ* увеличивается въ наше время безпрерывно новыми рекрутами. Мы могли бы привести здѣсь много собственныхъ именъ; но дамы ставятъ въ разрядъ добродѣтелей *скромность*, а мы хотимъ быть добродѣтельными въ глазахъ ихъ — не назовемъ никого!»

У насъ, въ Русской литературѣ, еще не слыхать такого рода подлога. Дамы наши сами пишутъ и даже издають журналы. Совершенно напротивъ того, что дѣлается во Франціи, у насъ есть дамы, которыя пишутъ вмѣсто мужчинъ..... но — дамы почитаютъ скромность добродѣтелью — повторяемъ съ Г-мъ Кераромъ — и умолкаемъ.

Кромѣ уступокъ вольныхъ и полуневольныхъ, въ литературѣ бываютъ еще уступки насильственныя: это почти то же что грабежъ. Человѣкъ, отъ котораго зависитъ ваше спокойствіе, а можетъ быть и благосостояніе, требуетъ, чтобы вы работали, писали для него, и выдаетъ вашу работу за свою. Къ такимъ насильствамъ

литературнымъ бываетъ поводомъ или тщеславіе, или корыстолюбіе. *Рино-Дезормо*, умершій въ 1793 году, былъ членомъ Академіи надписей и словесности за историческіе и ученые труды *Данжсе*. *Жанъ-Бонъ-Дасье*, непремѣнный секретарь той же Академіи, оставался въ этой должности до самой смерти своей, въ 1833 году, хотя давно долженъ былъ бы оставить ее, потому что былъ старъ, боленъ, хилъ. Но онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ выгоднымъ своимъ мѣстомъ, и когда приходилось ему, по уставу, говорить похвальные слова безсмертнымъ сочленамъ своимъ, которыхъ однакожь не щадитъ смерть, *Дасье* заставлялъ другихъ сочинять вмѣсто себя, и пробивался трудами *Абель-Ремюза*, *Сенъ-Мартена*, обоихъ *Шамполіоновъ*, и другихъ, тогда еще молодыхъ ученыхъ, нуждавшихся въ покровительствѣ важнаго секретаря. *Пти-Радель*, членъ той же Академіи, не разъ печаталъ чужія сочиненія подъ своимъ именемъ — потому что академику *надобно* писать, а между тѣмъ лѣнь, или не умѣется, не ладится. Многіе старинные Французскіе академики всю жизнь свою собирались написать что нибудь, и не писали ничего кромѣ росписокъ въ жалованныхъ имъ деньгахъ. Если что напечатано отъ ихъ имени — они въ томъ безгрѣшны.

По достоинству славный *В. Кузенъ* из-

далъ переводъ «Сочиненій Платона», въ 13 томахъ. На заглавныхъ листкахъ каждаго тома напечатано: *переводъ В. Кузена*. Но это невѣрно: Г. Кузенъ только пересмотрѣлъ и исправилъ старинный переводъ аббата Гру; а что въ изданіи его переведено въ первый разъ изъ сочиненій Платона, то переводили Гг. Више и Фарси, подъ руководствомъ Г-на Кузена. Ему принадлежатъ пересмотръ и нѣкоторыя поправки въ этомъ общемъ переводѣ, впрочемъ прекрасномъ и конечно лучшемъ на Французскомъ языкѣ. Но философъ выставилъ свое имя и на переводѣ «Учебника философіи Теннемана», когда это переводъ Г-на Више, также пересмотрѣнный Г-мъ Кузеномъ. Можетъ быть, истинные переводчики просили его не упоминать о нихъ, потому что имя на книгѣ значить много вездѣ, а особенно во Франціи. Другой философъ, Т. Жюффруа, издалъ въ 6 томахъ Французскій переводъ «Полнаго собранія сочиненій Рейда», Шотландскаго философа. Но въ этой книгѣ Г-ну Жюффруа принадлежитъ только «Введение», а самый переводъ сдѣланъ Г-мъ Гарнیه, тогдашнимъ помощникомъ профессора, потомъ заступившимъ его мѣсто. Такъ то обдѣльваются литературныя дѣла во Франціи.

Къ разряду литературныхъ подлоговъ принадлежитъ поступокъ извѣстной и въ свое

время славной, графини *Жанлисэ*. Уже въ дряхлой старости, когда, видно, руки ея отказывались писать (а она бывала неутомима, и написала безчисленное множество сочиненій въ разныхъ родахъ), въ дни старости и немощи, она предложила книгопродавцу *Роре* купить «Ручную энциклопедію для дѣтей». *Роре* (*Roret*) издавалъ цѣлую коллекцію ручныхъ книжекъ, большею частію вздорныхъ, пустыхъ, и кстати купилъ рукопись Г-жи *Жанлисэ*. Хотѣли приступить къ печатанію ея, когда замѣтили, что это буквальный списокъ съ книги того же рода, изданной въ 1820 году Г. *Массленомъ*. Графиня не хотѣла возвратить денегъ, и *Роре* принужденъ былъ обличить ее въ обманъ передъ судомъ, который и приговорилъ ее заплатить не только деньги *Роре*, но еще и протори и убытки. Кажется, этимъ подвигомъ Г-жа *Жанлисэ* заключила свое литературное поприще.

Жиро-Дювивье, прославляемый учителями Французскаго языка, включилъ въ третье изданіе своей толстой «Grammaire des Grammaires,» почти буквально, чуть не весь «Traité complet d'orthographe d'usage,» изданный *Лемаромъ*. Тотъ отместилъ ему только эпиграммою въ своемъ «Курсѣ Французскаго языка,» при объясненіи словъ *d'avantage* и *d'avantage*.

Въ разныхъ литературныхъ подмогахъ

участвуютъ нерѣдко не одни писатели и писаки, но и книгопродавцы-издатели. Они издають старыя сочиненія за новыя, иногда подъ новыми заглавіями; иногда одну книгу издають подъ разными заглавіями; иногда выставляютъ извѣстныя имена вмѣсто безвѣстныхъ, на какойнибудь забытой книгѣ. Всего чаще приклеиваютъ они новый заглавный листокъ, къ старому изданію книги, когда она нейдетъ съ рукъ, и возглашаютъ для легковѣрныхъ и не свѣдущихъ объ успѣхѣ перваго изданія. Иногда бывають такія припечатки съ означеніемъ третьяго, четвертаго изданія.

Г. Кераръ причисляетъ къ литературнымъ подлогамъ *невѣрныя изданія*, то есть тѣ изданія, гдѣ невѣжество или корыстолюбіе искажаютъ книгу ошибками, пропусками, опечатками, такъ что она является въ свѣтъ обезображенною.

Какова картина, обрисованная нами по указаніямъ Г. Керара? Признаемся, съ тоскою и съ усиліемъ надъ собою доканчивали мы принятой на себя трудъ обличенія всѣхъ этихъ низостей, какими знаменуютъ себя современные Французскіе литераторы, въ одномъ только библиографическомъ отношеніи! Чтò у нихъ не продажное? Чѣмъ не жертвуютъ они демону корыстолюбія и губительному для

литературы духу промышленности?.... Начало этого зла скрывается глубоко: въ духѣ времени, въ ученіи такъ называемой положительной философіи, которая стремится обратить въ тогаръ и въ предметъ корысти даже духовное начало человѣка, смѣется надъ трудомъ безкорыстнымъ, не вѣритъ ни поэзіи, ни душевной преданности труду, и видитъ пользу и геній только въ вещественномъ благосостояніи человѣка. Когда такой взглядъ господствуетъ въ литературѣ, удивляться ли, что люди съ необыкновенными дарованіями, но слабые духомъ, рабы матеріализма и эпикурензма, *Дюма*, *Жанены*, и толпа второстепенныхъ дарованій, сдѣлали изъ литературы торговлю, и даже не гнушаются никакими подлогами и обманами?

Мы видѣли, что много предосудительныхъ дѣйствій въ литературѣ бывало во всѣ времена и у всѣхъ грамотныхъ народовъ; но это были только исключенія, когда при томъ главнымъ побужденіемъ къ умственнымъ и поэтическимъ трудамъ было вѣчное стремленіе духа человѣческаго проявить себя въ дѣятельности. Теперь то же, но на оборотъ. Главное побужденіе — корысть, начало злое, вещественное, а не духовное. Таковы и послѣдствія его. Промышленность, примѣненная къ литературѣ, убиваетъ ее, низводя благородное занятіе литературою до ремесла

и ставя литератора наравнѣ съ фабричною машиною.

Можемъ утѣшать себя мыслию, что зло дошло до крайнихъ предѣловъ своихъ, и противодѣйствіе ему уже проявляется въ обществѣ негодованіи противъ такого направленія литературы во Франціи. Люди, свѣдущіе и ревностные къ успѣхамъ ея, непрерывно обличаютъ литературныхъ торгашей и обманщиковъ, неустомимо преслѣдуя зло въ самомъ началѣ его. Надобно, чтобы къ этому присоединилось общее мнѣніе, освѣщаемое такими трудами, какъ трудъ Г-на *Керара*. Дѣти наши будутъ смѣяться, что мы поддавались шарлатанскимъ продѣлкамъ *Дюма*, читали фабричные его романы, и поощряли своимъ вниманіемъ грубыя и отвратительныя спекуляціи литературныхъ поставщиковъ. *Эмиль Жиранденъ* въ мірѣ журнальномъ, и *Дюма* въ другихъ отрасляхъ литературы—крайнее проявленіе промышленности въ той еферѣ, гдѣ промышленность должна быть только пособіемъ, слугою, а не властелиномъ и повелителемъ. Она похожа тамъ на лакея, развалившагося въ креслахъ своего барина.

Если бы во Франціи отдавали справедливость полезнымъ трудамъ, не уничтожали невниманіемъ возникающихъ дарованій, не заставляли ихъ вступать подъ предводительство *Дюма* и подобныхъ ему — то литературная промышленность

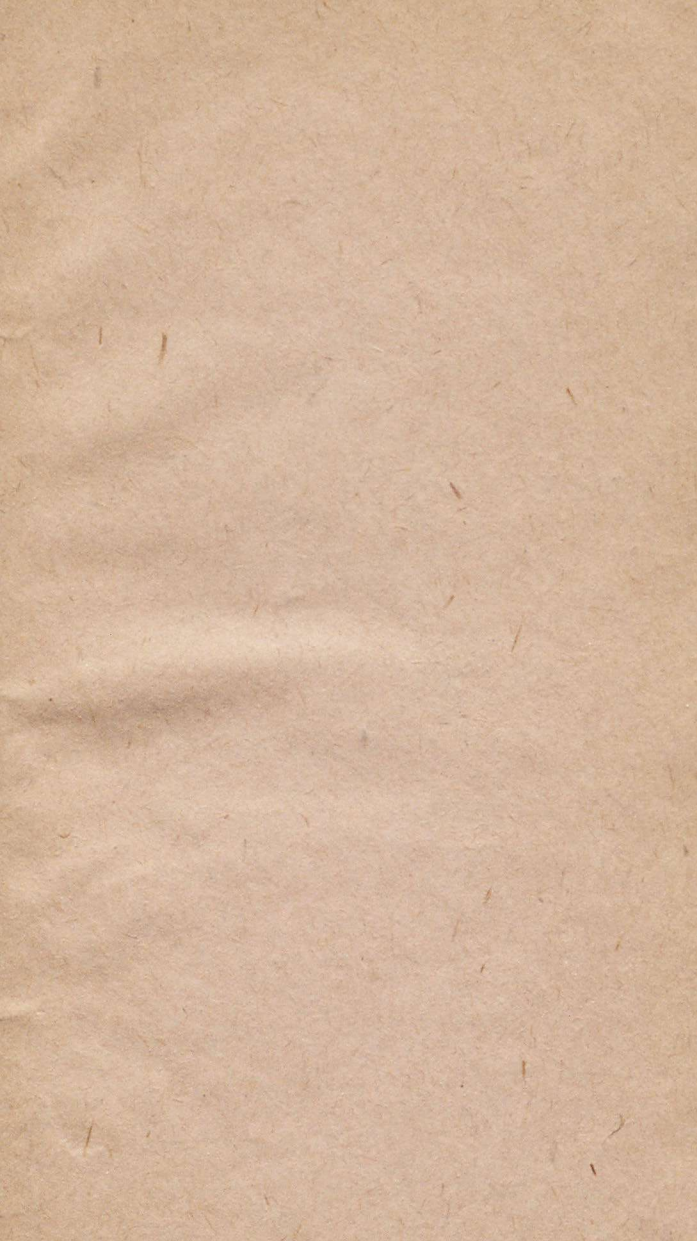
сама собою исчезла бы. Она работаетъ изъ корысти, а когда не поощряютъ ея работъ, награждая ихъ должнымъ невниманіемъ — это смерть ея, и начало новой, больше блистательной эпохи въ литературѣ. Великіе, безкорыстные труды должны находить награду въ самихъ себѣ. Кто не понимаетъ этихъ словъ и даже смѣется надъ ними, тотъ не любить, не знаетъ, не понимаетъ литературы и вообще благой дѣятельности духа человѣческаго. Литература только тамъ соприкасается съ промышленностью, гдѣ нужны ей бумага, чернила, типографія, переплетъ и выставка въ книжной лавкѣ. Таковъ міръ нашъ, что все духовное соединено въ немъ съ вещественнымъ. Но не дѣлайте предметомъ торговли выраженія духа человѣческаго. Повторимъ здѣсь слова одного изъ величайшихъ писателей нашего времени: «Je ne sais quelle profonde tristesse s'empare de l'âme, lorsqu'on voit que la littérature est traitée comme une affaire d'industrie, comme une branche de négoce, comme une espèce de fabrication. Expression des besoins de la société et de l'intelligence humaine: telle est la littérature, et il est bon que les libraires sachent qu'ils ne sont quelque chose qu'en se joignant à elle».

К. II.

(Изъ С. П.-б. Вѣд. №№ 74 п 263, 1849 г. п
№№ 13, 14 п 15, 1850 года).

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

prc
am

2022508966